

АНЬЕТ КЕМПБЕЛЛ

Послушайте детей

***Прислушайтесь,
наконец...***

Четвертое издание

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ
ИНСТИТУТ
СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ

МОСКВА

С О Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	6
<i>Ирина Ратушинская</i>	
<i>Книги о победителях</i>	7
Послушайте детей	9
<i>Предисловие</i>	11
ГЛАВА 1. Послушайте детей	12
ГЛАВА 2. Решая проблемы вместе	21
ГЛАВА 3. Родители и подростки	35
ГЛАВА 4. Воспитание родителей	51
ГЛАВА 5. Сила семьи	64
Прислушайтесь, наконец...	77
<i>Благодарность</i>	79
<i>Предисловие</i>	80
ГЛАВА 1. Ты меня слышишь?	82
ГЛАВА 2. Иллюзии о безупречном браке	89
ГЛАВА 3. Брак с браком	98
ГЛАВА 4. Неся груз в одиночку	106
ГЛАВА 5. Попытаться снова	114
ГЛАВА 6. Какова цена свободы?	122
ГЛАВА 7. От отчаяния к надежде	132
Новые горизонты	142

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Мне очень приятно, что мои книги можно прочитать теперь по-русски. Я люблю Россию. В первый раз я приехала туда в 1989 году, когда мы с мужем были в Петербурге, тогда еще – Ленинграде. Нас поразила красота старого города. Оттуда мы отправились поездом в Москву, на Международную ярмарку, где были выставлены две моих книги.

На ярмарке я встретила преподавательницу английского д-ра Беллу Грибкову из Нижнего Новгорода. Мы очень подружились. Она прочитала мои книги и предложила, что переведет их на русский язык. Через несколько лет они с мужем пригласили меня к себе, чтобы вместе отпраздновать русское Рождество. Мне никогда этого не забыть. Меня восхищает их боевой дух после всего, что они пережили.

Хочу поблагодарить д-ра Алексея Бодрова за то, что он издает мой труд. Обе книги изданы теперь вместе на разных языках. Их читают от Бразилии до Китая, и это подтверждает мою веру в то, что все мы – на одном пути. Как сказал один мудрец, в душе есть стрелка, которая указывает на свой Север.

Когда обе наши дочери были маленькие, нам задали очень важный вопрос: чего вы действительно хотите для своих детей? Мы с мужем ощутили, что, прежде чем говорить, надо попросить мудрости у Создателя: в конце концов, это Он доверил их нам. Прислушиваясь к внутреннему голосу, мы подумали: «Хорошо, если бы наши дочери научились считаться с другими, и хорошо, чтобы они обрели такую веру, которую никто и ничто отнять не сможет».

Цели – прекрасные, но как привить их нашим детям? Тут мы поняли, что корью не заразишь, если ты сам не болен ею. Мы, родители, должны жить так, как хотели бы, чтобы жили дети. Конечно, мы сделали много ошибок и часто говорили: «Прости».

Рассказы в этой книге, написанные людьми из 17 стран, дают надежду, что мы можем измениться, а когда изменимся мы, начнет меняться и мир. Я твердо верю, что семья – краеугольный камень общества.

*Аньет Кемпбелл
Лондон, 1998*

КНИГИ О ПОБЕДИТЕЛЯХ

Аньет Кемпбелл – счастливый человек. Так она сама о себе писала и такое впечатление производит на других. С ней хорошо быть рядом: вокруг нее всегда атмосфера бодрости, хорошего настроения и юмора, исключающего всякое ханжество. Она красива той красотой, к которой не имеют отношения ни возраст, ни черты лица, ни пережитые горести. Красива, что бы она ни делала: наливает ли чашку чаю, берет ли на руки ребенка, улыбается ли.

Между тем она – вовсе не из тех, кого горе обходило стороной. Детство в оккупированной Голландии. Бомбежки. Отец и мать пропали через концлагеря. И, тем не менее, выжили, вырастили семерых детей – отнюдь не в сахарных условиях. Аньет с мужем вырастили двоих. Это был счастливый брак. Однако и для счастливых браков настает день разлуки. Один уходит раньше, а другому – оставаться. Еще и это надо пережить достойно. Аньет похоронила мужа, помогавшего ей работать над этими книгами. И продолжает жить. Подрастают внуки, радуют дочери, со всех концов света звонят, пишут и приезжают друзья. И по-прежнему людям хорошо с ней, просто от одного ее присутствия.

Сколько было на свете горе-теоретиков, берущихся обучить ближнего: как воспитывать детей, как создать хорошую семью, как решать неизбежные жизненные проблемы. А присмотришься к автору: сам-то он все это сумел? – и как часто видишь, что он слишком был поглощен своими теориями для того, чтобы вообще что-нибудь уметь.

А те, кто умеют, редко пишут книжки. У них так много других дел. Хотя бы потому, что к ним идут люди со своими проблемами: рассказывают, просят совета и помощи. К кому же еще и идти? Не так часто в наше время встречаются люди, которые способны выслушать другого. Аньет этим даром обладает, а в связи с этим – и способностью к новым друзьям, а в дружбе – щедростью.

Так что с этими книжками нам просто повезло: одни друзья Аньет убедили ее их написать, другие помогли с редактированием и фотографиями, третьи – дали материал для этих книг. Все это –

невыдуманные случаи из жизни, сами за себя говорящие, с краткими комментариями автора. Аньет не склонна к теоретизированию. Основы ее умения жить просты: доверие к Богу, честность и открытость к людям. Кто этого не знает? Но многие ли отваживаются применять это на практике?

Митрополит Антоний Сурожский вспоминал, как одна прихожанка жаловалась ему, что она молится, молится, а ответа никакого не получает. «Но вы же не даете Господу слова вставить!» – ответил он.

Нужно, однако, большое доверие и смелость, чтобы дать Богу вставить это слово. Ведь тогда уже ничего не остается, как только ему последовать. А что случится в результате: желанное чудо или полное крушение? А чудо – сразу произойдет или не сразу? А через сколько времени? А где гарантии? Вот на этом этапе, как правило, начинается бессмысленная и бесплодная торговля. Часто на этом этапе все и заканчивается.

Книги Аньет Кемпбелл – об умении слушать. И о людях, которые имели смелость, услышав Божье слово, ему последовать. Они не решали глобальные проблемы. Они сохраняли семьи, любовь и доверие детей, мужей и жен, друзей. Или эти любовь и доверие восстанавливали буквально из пепла. А, может быть, тем самым и глобальные проблемы решали? Что может быть глобальнее, чем нехватка в нашем мире любви?

Еще эти книги – о преодолении страхов: как это сделать на практике. Ведь надо для начала набраться духу, чтобы признать и исправить свою ошибку. А только потом уже убедиться, что мир от этого не перевернулся, и те, чьей любовью вы дорожите, не отвернулись от вас, а полюбили крепче, чем раньше. Надо иметь мужество, чтобы не терять любимых своими тревогами, а доверить им самим собой распоряжаться. Даже если это ваши собственные дети. А потом уж увидеть, что Бог уберет и направил ваших детей там, где сами вы были бессильны.

И об удивительных в связи с этим открытиях. И о победах на этом пути: над страхом, над ложными приманками, над отчаянием, ненавистью, слепотой – надо всем, что, не имея никакого права на существование, претендует нас обморочить.

Я люблю книги о победителях. Они заразительны. И я желаю читателям Аньет Кемпбелл заразиться этой волей к победам и умением побеждать.

Ирина Ратушинская

***Послушайте
детей***

ПРЕДИСЛОВИЕ

Семья всегда была и остается самым важным институтом в мире, и тем не менее от Москвы до Майами число разводов все увеличивается. Последствия этого дают себя знать во всех сферах жизни общества. Дети, как правило, являются незащищенными жертвами разводов. Можно ли что-либо сделать?

Мы не должны беспомощно стоять в стороне, пока это происходит. Практически уже и сейчас можно кое-что сделать. Что предназначено Господом для вашей семьи? Как об этом можно узнать?

Тема, объединяющая рассказы в книге, – опыт, показывающий, что, прислушиваясь к голосу Господа внутри нас, мы сможем начать жить друг с другом по-новому.

На этих страницах родители рассказывают, как они решали с детьми малые проблемы, которые могли бы превратиться в большие. Родители подростков делятся тем, как им удавалось сохранять благоразумие в трудные годы, как они помогали своим детям избавиться от наркотиков и депрессии и найти цель в жизни.

Разумеется, не все истории свидетельствуют о том, что родители вели себя правильно, но они говорят об их трудностях, борьбе, и это может оказаться полезным для других. Состоит ли высшая функция семьи только в создании новой жизни или также в создании образа жизни, достойного продолжения? Несомненно, что семья может стать источником силы для изменения общества.

Первое издание этой книги вышло в Великобритании в 1979 году, в Международный Год Ребенка. Она уже переведена на шесть языков, включая китайский.

Рассказанные с исключительной откровенностью, истории в этой книге абсолютно подлинны. Изменены только имена.

Мне хотелось бы поблагодарить всех тех, кто поделился своими семейными историями, а также тех, кто потратил много часов на перепечатку и редактирование рукописи.

Прежде всего я благодарна моему мужу Полу и нашим дочерям за их поддержку и готовность выразить свое откровенное мнение во время моей работы над этой книгой.

Аньет Кемпбелл

Послушайте детей

Мой муж Пол и я происходим из очень разных семей. Он родился в прериях Канады, сын уроженки Йоркшира и шотландского баптистского священника. Я же – дочь промышленника из Голландии, выросла с тремя братьями и тремя сестрами в оккупированной стране, где мои родители в разное время находились в концлагерях.

Но родители Пола и мои имели одно общее – сильную веру в Бога – веру, которая крепла в трудностях жизни прерий и опасностях войны.

Пол и я, каждый по-своему, растеряли многое из этого наследия и обрели веру, когда он уже был преуспевающим молодым врачом в больнице Генри Форда в Детройте, а я – двадцатилетней бунтаркой, изучающей в Париже мир французской моды. Именно горячее желание поделиться своей верой с другими людьми привело нас друг к другу, а затем, в 1957 г., к нашей женитьбе. Теперь мы живем в Лондоне, у нас две дочери, Эдит Энн и Дигна, им чуть больше двадцати лет.

Именно с них начинается эта книжка. Когда они были немного младше, я задавала им довольно прямые вопросы.

– *Что вы чувствуете, когда мы с отцом не прислушиваемся к вашему мнению?*

– У меня пропадает всякое желание делать то, о чем вы меня просите.

– Мне хочется бить тарелки, чтобы привлечь ваше внимание, особенно когда у нас гости.

– Я ощущаю себя никому не нужной.

– Я чувствую, что мое мнение ничего не стоит.

– Я хочу убежать из дома.

– *А что вы чувствуете, когда мы прислушиваемся?*

– Я спокойна.

– Я чувствую, что могу говорить с вами обо всем.

– Жизнь не кажется трудной.

– Я могу быть сама собой.

– Почему, по вашему мнению, некоторые родители не прислушиваются к своим детям?

– Они слишком заняты собой.

– Они чувствуют свое превосходство, считают, что они все знают.

– Они боятся, что дети могут преподнести им нечто такое, с чем они не справятся.

– Они не хотят уделять времени своим детям.

– Им все равно.

– *Каким вы хотите видеть мир?*

– Где все свободны.

– Без войны.

– Не должно быть кровопролития, и конфликты должны разрешаться совместно.

– Должны быть определенные законы: если каждый будет поступать по-своему, будет хаос.

– Семьи должны быть надежными, счастливыми, без разводов.

– Все дети должны иметь равные возможности для учебы в школе.

– Нигде не должно быть дискриминации по цвету кожи.

Разве это не та картина мира, которую мы хотим дать нашим детям? Мы отвечаем за тот мир, в котором живем, и дети с нас нечто спрашивают, а мы помещаем их в тот хаос, который создаем.

Дальше приводится несколько историй о том, что происходит, когда мы серьезно относимся к тому, что наши дети пытаются сказать нам.

Первая история рассказана моей подругой, которая живет в Кейптауне, Южная Африка.

Наши две маленькие дочки совершенно разные по характеру. Клер, которой сейчас восемь лет, спокойная задумчивая девочка, с чувством собственного достоинства. Она очень осторожна и хочет быть уверена в том, что поступает правильно.

Вики на три года младше, это – экстраверт, комок энергии. Достаточно посмотреть на нее, когда она, едва умея плавать, с восторгом бросается в глубокий конец бассейна, чтобы понять ее подход к жизни.

Неудивительно, что возникли ревность и соперничество, часто встречающиеся между детьми. В прошлом году Клер неожиданно воскликнула: «Мама, я ненавижу Вики! Нельзя ли поменять ее на другую девочку?»

Моим первым побуждением было сказать: «Нет-нет, ты же действительно любишь ее», – и постараться сгладить ее реакцию. Потом я подумала, что это неправильно. Если она говорит, что ненавидит, значит, это так. И я ничего не стала выяснять.

Через несколько дней, когда эта тема возникла снова, я рассказала Клер, что в детстве я иногда ненавидела своего брата.

– Правда, ненавидела, мама? Что же ты делала?

И я рассказала ей, как я решила попросить прощения у своего брата за свою ненависть и как впоследствии мы стали хорошими друзьями. Я говорила о том, как важно для нас разобраться в своих чувствах и сделать усилие, чтобы ненависть заменилась любовью. Я заметила, что без любви мы ничего не смогли бы сделать с борьбой в Ирландии или расколом в Южной Африке – в тех странах, где мы жили.

Ничего драматического не произошло, но Клер поняла это. Две недели спустя она сказала мне: «Знаешь, Вики мне нравится теперь немного больше». И теперь в большинстве случаев они живут мирно и даже дружат.

Однажды, когда моей младшей дочери Дигне было шесть или семь лет, она пришла домой со словами: «Я не хочу идти завтра в школу. Не люблю больше школу». Я ничего не сказала, а немного позже предложила ей составить список того, что ей не нравится в школе. Она взяла лист бумаги и написала пять пунктов:

Там шумно.

Я стесняюсь.

Я устала.

Там скучно.

Мне не с кем играть на перемене.

Последний пункт наталкивал на реальное решение. Мы немного поговорили об этом, и я предложила ей посмотреть на перемене, нет ли еще одиноких девочек, которым не с кем играть. На следующее утро она пошла в школу без жалоб и даже с интересом, скоро она полюбила школу и приобрела друзей.

Вот еще свидетельство, присланное мне подругой из Канады, которая сделала серию телевизионных программ о семейной жизни в своем городе.

Моя дочь Эллен, которой в то время было четыре года, увидела фотографию своего папы, который долго отсутствовал в связи с его работой, и сказала: «Здравствуй, папа», – а потом начала ныть и дуться, спрашивая: «Когда мой папа приедет домой?»

Я могла плакать вместе с ней, потому что я тоже о нем скучала, проявить строгость и отправить ее заняться каким-нибудь делом, но я решила поступить по-другому.

Я спросила: «Эллен, ты не хочешь сказать об этом Иисусу?» Она поколебалась и затем ответила: «Да, хочу». Она сама стала на колени и сказала: «Дорогой Христос, я очень хочу, чтобы мой папа вернулся домой, потому что я его так люблю. До свидания, Иисус».

Когда она встала с колен, ее лицо сияло, и она сказала: «Знаешь, что Иисус сказал мне? Он сказал, что папе нужно еще немножко побыть не дома, а потом он приедет ко мне», – и пошла, напевая песенку.

Часто мы считаем себя умнее своих детей и пренебрегаем их мнением как непрактичным или просто глупым. Но они могут оказаться правы.

Одна подруга из Франции рассказала мне:

Когда нашему второму сыну было три месяца, он ежедневно, примерно около шести часов вечера, начинал капризничать и плакал, не смолкая. Мы не знали, что предпринять. Однажды вечером, за ужином, я предложила нам всем подумать, что мы можем сделать.

Наш старший сын, которому тогда было шесть лет, сказал, что нам нужно спеть его брату песенку. Мы сочли это решение слишком простым, но все же стали вокруг постельки и запели. Ребенок перестал плакать и скоро заснул. С тех пор мы каждый вечер пели эту песенку ребенку, и он спокойно засыпал. На этом вечерний плач закончился.

Жена фермера из Новой Зеландии пишет:

У меня был «трудный ребенок» – маленькая дочка, которая отказывалась есть. Каждое кормление превращалось в битву, и так продолжалось три года, в течение которых я перепробовала все! Не зная, что делать, я решила обратиться за помощью к Богу. Сидя в тишине, я вспомнила, как я была недовольна, когда узнала, что жду этого ребенка. Тогда я подавила это чувство как недостойное матери-христианки и совершенно забыла о нем после рождения ребенка. Теперь как будто сам Бог указал мне на это недовольство в глубине моего сердца. Когда ребенок капризничал, я ожесточалась. В основе было то самое недовольство. В этом была моя проблема.

Поняв это, я могла только плакать и каяться. Так я очистилась и была прощена. Еще Бог дал мне простое указание, чтобы я никогда не заставляла ее есть. Так проблема была сразу решена, она больше не отказывалась есть.

Иногда мы слишком много говорим, когда нужно постараться создать такую атмосферу, в которой ребенок может прислушаться к своей собственной совести.

Мать четверых детей, живущая в Голландии, прислала мне свою небольшую семейную историю:

Наш младший сын Том, которому двенадцать лет, однажды пришел домой из школы в обеденный перерыв какой-то бледный. Он сказал: «Сегодня в школе спортивные занятия, но я не пойду, потому что у меня слишком много домашних заданий и я очень устал».

Он не мог пропустить занятия без моего разрешения, а я чувствовала, что не должна давать это разрешение, но была не совсем уверена. Я пошла на кухню, Том пошел за мной. Он хотел уговорить меня.

Я сказала: «Давай посидим минутку, не будем говорить, просто подумаем».

Моей единственной мыслью было: «Пусть он решает сам».

Через полминуты он вскочил со словами: «Если я быстро побегу, то еще успею», – и выбежал из комнаты.

Мы часто хотим оградить наших детей от неприятных ситуаций.

Подруга из Англии рассказала:

Моя дочь Фиби – единственный ребенок, ей сейчас семь лет. За последний год у двоих подруг ее возраста появились маленький братик и маленькая сестричка. «Я хочу братика или сестричку, лучше сестричку», — это была ее постоянная просьба. И она с надеждой смотрела, не полнею ли я. Я пыталась избежать этой темы, потому что знала, что у меня больше не будет ребенка.

Мы поехали в гости к подруге на несколько дней, и я рассказала ей об этом. «Следует ли тебе держать ее и дальше в ожидании?» – спросила она.

Я обдумала все и решила откровенно поговорить с Фиби, когда представится такой случай. Вскоре, когда мы гуляли с ней по берегу моря, я сказал ей: «Знаешь, папа и я очень хотели бы подарить тебе братика или сестренку, но, к сожалению, это невозможно». И я рассказала ей о ребенке, которого я потеряла до ее рождения, и она стала задавать мне разные вопросы.

Когда мы пришли домой, она вдруг сказала: «Зачем тебе надо было мне это говорить?» Она убежала к себе в комнату, и я нашла ее на постели всю в слезах. Сердце у меня упало, и я подумала, не сделала ли я что-нибудь не то. На другой день она пришла все еще заплаканная, но немного погодя она повеселела и стала очень приветлива.

Вечером ее пригласили к чаю в семью, которая жила по соседству. Вернувшись домой, она сказала мне: «Я рассказала миссис Х о том, что ты не можешь больше иметь детей».

«О Боже, – подумала я, – что она говорит?»

«И, – продолжала Фиби, – она сказала, что тоже потеряла двух детей». Это был уже другой ребенок.

Я перестала переживать, что моя дочь чего-то лишена, и стала благодарить Бога за то, что у нас есть.

Еще одна мать пишет о том, как ее сын преодолел свой страх перед задиристыми мальчишками в школе.

Ники было шесть лет. Ему нравилась школа. Была только одна проблема: каждый день десятилетний мальчик мчался из школы вслед

за ним. Ники пытался убежать, но Питер догонял его, делал ему подножку, бросал его кепку в пруд, всячески его обижал и т. д. Ники боялся этого мальчика. Я предлагала заходить за ним после уроков, но он считал, что это «для маленьких».

Удивительно, что он сам решил эту проблему. Однажды вечером, став на вечернюю молитву, он спросил у Иисуса, что ему делать. Потом он рассказал мне: «Иисус сказал, что собаки гоняются за кошками, потому что кошки их боятся и убегают изо всех сил. Поэтому завтра я не должен убежать, а должен подождать Питера, пойти с ним вместе домой и постараться подружиться с ним, потому что у него нет друзей».

На следующий день я выглянула из окна и увидела, как мой сын и Питер, словно два старых друга, идут вместе. Они остановились у наших ворот, чтобы закончить разговор. Со временем друзья Ники стали и друзьями Питера.

Директор школы из Англии как-то сказал моей подруге: «Родители дают своим детям все, кроме своего времени».

Одна мать написала мне из Шотландии:

Когда дети маленькие, мать отдает им массу времени. Когда они вырастают и в чем-то могут сами о себе заботиться, родители и дети становятся как бы независимыми друг от друга. Но все же очень важно находить время, чтобы прислушаться, когда дети хотят о чем-то поговорить. Иногда действительно требуется усилие, чтобы подняться к ним наверх: я устаю к концу дня и чувствую, что имею право расслабиться!

Однажды вечером мой старший сын стал сравнивать, сколько карманных денег у его друзей по сравнению с тем, что мы даем ему. И обнаружил, что он в большом проигрыше! Тогда он сказал: «Конечно, мне хотелось бы иметь больше карманных денег, но ты и папа учите нас слушаться Господа, а это гораздо важнее».

После минуты молчания он рассказал мне об одном друге, который получал, по его мнению, колоссальные деньги, и добавил: «Знаешь, по-моему, его родители дают ему так много денег в компенсацию за то, чего они не дают ему».

Этот момент также иллюстрирует одна подруга из Швейцарии, которая работала с детьми разных национальностей.

Я заметила, что родители часто обещают детям разные материальные вещи, считая, что это делает их счастливыми. Но когда я спросила нескольких восьмилетних мальчиков, что делает их счастливыми, ни один из них не упомянул ни о чем материальном, их ответы были удивительно похожи. Почти все говорили, что счастье им приносит:

«Когда сделаешь что-нибудь действительно трудное».

«Когда помогаешь кому-нибудь, кто в этом действительно нуждается», – и все ответы были в том же духе.

Когда я спросила, счастливы ли они, когда получают то, что хотят, один ирландский мальчик сказал: «Когда я получаю все, что хочу, я не становлюсь счастливым, я становлюсь жадным».

Моя швейцарская подруга задала ряд вопросов группе детей из семи разных стран в возрасте от семи до тринадцати лет.

Каково твое представление об идеальной семье?

«Семья, где никто не лжет, где не ссорятся, как это иногда делают мои мама и папа».

«Мы чаще всего видим папу за столом. Было бы хорошо, если бы родители работали меньше, чтобы мы могли поговорить с ними, когда нам это нужно».

«Где родители разрешали бы нам поступать по-своему. Если они просто приказывают, мы становимся похожими на роботов, которые ничему не учатся».

Что дети могут сделать, чтобы изменить атмосферу дома?

«Говорить правду».

«Признавать свою неправду».

«Просить прощения».

«В нашей семье все так шумят, что мама сердится. Если бы мы вели себя тише, она бы так не сердилась».

«Чаще говорить с Богом, вместе молиться».

Из-за чего вы ссоритесь?

«Только из-за мелочей, но эти мелочи как будто вызывают фейерверк, и тогда они вырастают до больших причин».

«Если у моего брата или сестры есть что-то, чего у меня нет, у меня появляется зависть».

«Если родители говорят “нет” одному ребенку и “да” другому».

Как могла бы ваша семья помочь другим семьям?

«Рассказывая им то, о чем мы беседуем в нашей семье».

«Встречаясь с соседями».

«Нам нужно сперва самим объединиться, прежде чем мы сможем помогать другим».

Чем вы любите заниматься в своей семье?

«Ездить на каникулы».

«Обсуждать вместе разные вещи».

«Ходить в лес».

«Играть в настольный теннис с отцом».

Как принимаются решения в вашей семье?

«Мы их не принимаем».

«Каждый берет записную книжку и записывает, что ему хотелось бы сделать».

«Мы решаем по вечерам, прежде чем молиться».
«Каждый высказывает свое мнение, и отец решает, что лучше всего».

Зачем нам нужна семья?

«Потому что нам нужно питаться».

«Чтобы заботиться о нас».

«Нам нужен отец, чтобы воспитывать и учить нас, как жить».

Зачем нужны бабушка с бабушкой?

«Бабушка – это женщина, у которой нет своих детей, и поэтому она любит чужих мальчиков и девочек».

«Бабушки вообще ничего не делают, они просто должны быть. Они никогда не говорят: “Иди сюда скорее” или “Поторопись, ради Бога”».

«Они толстые, но не слишком толстые, чтобы завязывать нам шнурки на ботинках».

«Они носят очки и иногда могут выдернуть вам зуб».

«Они знают ответы на вопросы вроде “Почему собаки ненавидят кошек?” и “Почему Бог не женат?”»

«Когда они нам что-нибудь читают, они никогда не пропускают страницу и не возражают, если это всегда одна и та же история».

«Каждому нужно иметь бабушку, особенно если у вас нет телевизора».

«Бабушки – это единственные взрослые, у которых всегда есть для вас время».

«Бабушка всегда думает о нас и звонит нам по телефону. Она всегда играет с нами. У бабушек есть свои правила, они отправляют нас спать и не дают конфет перед ужином».

«У дедушек нет никаких правил, они просто хотят, чтоб нам было хорошо».

«Они следят за тем, чтобы наши мамы хорошо себя вели».

Что значит для ребенка слушать Господа? Я спросила Дигну, как она это понимает. Она рассказала:

«Ты сидишь спокойно и ни о чем не думаешь, просто сидишь и даешь волю своей совести, если ты понимаешь, что я имею в виду. Ты не слышишь чужого голоса. Я думаю, что Бог использует твой собственный голос, чтобы сказать тебе что-либо, и ты можешь понять, кто это говорит, дьявол или Бог, потому что Бог говорит хорошие вещи или показывает, где ты был неправ, а дьявол говорит: «А, не обращай внимания, тебе незачем слушать Его».

Я как-то была у своей подруги, поздно вечером мы с ней в постели разговаривали, и в нашем разговоре возник вопрос о Боге. Я спросила подругу, верит ли она в Него, и она ответила: «Я думаю, да, но не уверена».

Я спросила: «После ссоры с мамой ты слышишь какой-то тихий голос, который говорит: “Пойди и попроси прощения?”» Она сказала: «Да, на днях у нас была большая ссора, и я решила, что не буду просить прощения, но затем какой-то голос внутри меня сказал: “Ты должна попросить прощения”». Я так и сделала и была так счастлива».

Для ребенка прислушиваться к голосу в душе очень естественно. Это, конечно, не новая мысль: в Библии есть множество рассказов о том, как Бог давал указания людям. Когда короли и лидеры подчинялись этим указаниям, все в их стране шло хорошо, но когда они пренебрегали Богом, за этим следовали голод, война и хаос. Я верю, что все обстоит так и теперь.

Решая проблемы вместе

Недавно на семинаре о семейной жизни, проходившем в Германии, был задан вопрос: в каком возрасте вы начинаете говорить «нет» своему ребенку? Одна мать из Германии ответила: «Как можно раньше». Нужно начать устанавливать определенные границы, когда дети очень маленькие. Это внушает им чувство надежности и покоя. Эксперименты с антиавторитарным воспитанием показывают, насколько вредным может быть, если вы этого не делаете. Если вы действительно устанавливаете определенные границы, возрастает эффект «фрустрации-подчинения»: ребенок узнает, что мир не погибнет, если он не добьется своего. Я иногда встречаюсь с детьми, которые никогда не слышали последовательного «нет». Им всегда удавалось добиться своего просьбами или настойчивостью. Мы должны решительным образом проявлять свою власть.

В этой главе родители рассказывают, как они решали с детьми малые проблемы, которые могут превратиться в большие, если их не решать в раннем возрасте.

Первая история принадлежит матери из Англии, которая работает в школе и имеет трех маленьких детей.

Я знала о молитвах, но слушать Господа, — именно здесь проявляется Его реальность, — не всегда бывает просто, между тем, перед лицом семейных ссор, болезней, усталости, стрессов, это всегда выход. Если мы готовы слушать, Бог будет говорить с нами в самых тайных уголках нашей души.

С тех пор, как я начала слушать голос Божий, в нашей семейной жизни произошли изменения. До этого я была очень настойчива в отношении учебы своей старшей дочери шести лет. Я чувствовала, что что-то не так, но не понимала, что. Я обратилась к Богу, не ожидая по-настоящему ответа. Однако, когда я стояла в очереди в магазине, мне пришла в голову одна мысль. То, что я слишком много требовала от своей дочки в смысле ее учебы, причиняло ей много беспокойства, а это было несправедливо по отношению к ней.

Когда я поняла, что эта мысль и есть ответ на мой вопрос, на душе стало легче.

Придя домой, я объяснила ей как можно проще то, что я была неправа, требуя от нее слишком многого, и мне жаль, если ей казалось, что я притесняю ее. Ее реакция была трогательной. Она все поняла. С тех пор мое отношение к ней изменилось, и в результате ее отношение к учебе стало более заинтересованным и легким. Она перестала подражать другим детям, потому что почувствовала, что может быть сама собой, не принуждая себя тянуться до тех мерок, которые я от нее ошибочно ожидала.

Дети как будто уже с малых лет знают, что в нашей душе говорят два голоса, хороший и плохой. Однажды Эдит Энн, которой тогда было почти четыре года, сказала подруге, бывшей у нас в гостях: «Я скажу тебе все, что есть у меня в душе: там есть Иисус, и есть дьявол, который хочет всем причинить несчастье. Надо сказать ему: “Я не буду слушать тебя”».

Однажды вечером, какое-то время спустя, она была в капризном настроении, ныла и надоедала по всякому поводу. На следующее утро она сказала мне: «Я больше не буду ныть, как вчера».

Я спросила: «Почему же ты была такой непослушной?»

Она ответила: «Во мне говорил дьявол, но я застрельнула его» («застрельнула» – так она выразилась. – *Прим. пер.*).

Молодая пара камбоджийцев, которые сейчас живут в Париже, испытывала то же самое с их шестилетним сыном. В этой семье и мать, и отец играют в их стране определенную политическую роль, и они несут в своих душах ужасные страдания, пережитые народом. Вот рассказ матери:

Около полугода назад мы с мужем поняли, что живем неправильно, так как заняты лишь своими делами и мало обращаем внимания на нашего шестилетнего сына (который много пострадал от наших размолвок). Мы стали больше обращать внимания на него и на других людей, которые нуждаются в нас.

Затем мы стали вместе думать о воспитании нашего сына, решив, что будем строгими с ним, когда это необходимо. Каждый день мы проводим теперь с ним некоторое время в беседах и играх. Я заметила, что когда мы спокойно и регулярно, не в спешке, уделяем ребенку время, он становится более внимательным, нежным, и мне кажется, что это необходимо для гармоничного развития души и характера.

Наш сын заметил в нас перемену. Теперь, когда он видит, что мы готовы поссориться, он говорит: «Мама, папа, не хотите ли вы послушать Господа?»

Наш сын еще маленький, и наш опыт в стремлении изменить себя для нас еще новьей, но я верю в будущее. Я заметила, что дети часто понимают гораздо больше, чем думают родители. Однажды вечером наш сын капризничал перед сном, но вдруг он неожиданно произнес: «Мама, мой плохой голос сказал мне залезть под кровать, но я ответил ему: “Уходи, плохой голос. Я не хочу тебя слушать. Я буду слушать хороший голос, который велит мне слушаться маму”». Он понял, что сам может выбрать между хорошим и плохим. И я надеюсь, что эта способность различения будет расти.

Я знала подростка, который ничего не хотел есть, кроме сосисок и жареной картошки. Мы с мужем решили с самого начала приучать детей есть все и не разбрасываться едой в наш век, когда многие голодают. Мы давали им понемногу есть то, что им не нравится, и спустя некоторое время они привыкли и стали есть без капризов.

В течение нескольких недель с нами жила маленькая девочка. Она не привыкла есть все, что у нее было на тарелке. Мы сказали ей, что у нас в доме доедают все. Сначала она рассердилась, но подчинилась, когда увидела, что мы занимаем тут твердую позицию. После каждой еды она торжественно заявляла: «Я съела все макароны» (или что-нибудь еще). У детей есть стремление развивать свои способности, и мы оказываем им плохую услугу, если не помогаем им делать то, что они считают правильным.

Когда Дигне было четыре года, она не могла высидеть за столом в продолжение всей еды, по разным поводам она то и дело вставала со стула. Я ей не разрешала, но она не слушалась, и пребывание за столом превращалось в сражение. Мы с мужем решили положить этому конец, но как? И мы придумали: повесили на стене табличку, и после каждой еды, когда она ни разу не вставала со своего места, ей разрешали поставить звездочку. Если к субботе у нее на табличке скапливалось семь раз по три звездочки, мы покупали ей мороженое. Ставить звездочку после каждой еды превратилось в игру. Через несколько недель Дигна забыла о звездочках, но сидеть на месте в течение всей еды стало прочной привычкой.

Я убедилась, что дети могут научиться хорошим привычкам так же просто, как они могут приобрести плохие.

Подруга из Канады прислала мне такую историю:

Будучи недовольной поведением детей за столом, я решила серьезно обдумать, почему это получается. Вдруг до меня дошло, что виновата моя лень: мне проще быстро организовать еду за кухонным столом, а это способствует развитию у детей плохих манер. Я решила приложить дополнительные усилия и накрывать на стол для семьи

в столовой. Перемена наступила очень быстро. Я стала приучать детей накрывать на стол и убирать со стола, и они относились к этому очень ответственно. Ужины стали теперь приносить радость, каждый рассказывал о том, как у него прошел день, и это создавало очень теплую атмосферу в семье.

В этом году мой муж настоял на том, чтобы дети шести и четырех лет сами стелили свою постель, а в субботу утром каждый должен был убирать свою комнату, включая уборку пылесосом. Вначале пришлось вести настоящую борьбу, чтобы заставить их это делать. Через некоторое время, в субботу, мой муж Генри ушел по делам, а я была в школе. Когда мы вернулись домой, няня сказала нам, что дети настояли на том, чтобы самим убрать свои комнаты.

Теперь они очень гордятся, показывая свои аккуратно застланные постели и прибранные комнаты.

А вот рассказ матери из Америки:

Наши три старших сына уехали из дома, когда Тиму было около семи лет, так что он стал чем-то вроде единственного ребенка. Одна из проблем в столь многих американских семьях заключается в том, что всем управляет мать вместо того, чтобы уважать роль отца, как это установил Господь: мужчине быть главой семьи. Итак, я заправляла всем, что касалось Тима. Когда мой муж Дик хотел призвать Тима к порядку, я защищала его и оправдывала, не понимая, почему Дик, как мне казалось, излишне строг с мальчиком.

Я стала молиться и спрашивать у Господа, может быть, я в чем-то не права? И я получила в своем сердце ответ: «Дик не сердится на Тима, он сердится на тебя». Я сказала об этом Дику, и он подтвердил: «Это правда».

После этого, когда Дик наказывал Тима, даже если я чувствовала, что это несправедливо или что он излишне строг, я не вмешивалась и поддерживала Дика. Тим уже не мог обращаться ко мне за поблажкой. В результате он стал вести себя более ровно, они с Диком стали хорошими друзьями. Это продолжается по сей день.

Не раз я видела, как дети настраивают родителей друг против друга. Я благодарна Господу, что мы научились слушать Его и обрели единство, которое скрепило нашу семью и укрепило нашу веру.

Несколько лет назад Карен и ее родители остановились у нас на несколько дней по дороге домой в Лос-Анджелес. И мать, и отец учились в аспирантуре в Оксфорде, а отец был к тому же в американской сборной по футболу. Мать пишет:

Какая бы проблема ни возникала с детьми, если уж я принимаю решение занять в каком-то вопросе твердую позицию, они чувствуют это еще до того, как я успеваю что-либо предпринять.

Так, когда Карен было четыре года, она тайком брала мою косметику и украшения. Она прятала это в своем шкафчике и пользовалась всем этим, думая, что я ничего не замечаю. Я поняла, что очень важно научить ее не трогать вещи других людей. Поэтому я решила подарить ей ее собственные украшения и кое-какую старую косметику, включая кисточку для бровей.

Я запретила ей входить в мою спальню, когда меня нет дома, и приготовилась устроить задвижку на своей двери в случае необходимости, но как только я решила это сделать, она перестала брать мои вещи.

Когда наши дети начинали капризничать, я обычно говорила им: «Если ты хочешь капризничать, иди в свою комнату, а если ты решишь быть веселой, мы рады видеть тебя с нами». Они неизменно предпочитали семейный круг добровольной изоляции. Они поняли, что часто могут сами выйти из этого капризного состояния и не подчиняться ему. Разумеется, иногда такие настроения имели более глубокие причины, и тогда приходилось выяснять, в чем дело.

Дигна, которая появилась на свет при очень опытной акушерке, имела привычку засыпать во время кормления. Акушерка научила меня, как будить ее.

«Едва перережешь пуповину, они будут стараться командовать вами, – говорила она, – вы должны решить, кто из вас главнее».

Когда Эдит Энн было четыре года, она устраивала страшные истерики: падала на пол, билась и кричала всякий раз, когда не получала того, что хотела. Ради мира я часто уступала.

Подруга сказала мне: «Очень плохо, когда ребенок чувствует, что он может командовать тобой. Как ты собираешься помочь ей?»

Мы не знали, что делать, и решили попросить помощи у Бога, чтобы решить эту проблему. Мы понимали, что нельзя реагировать на все капризы: это сделало бы жизнь невыносимой для всех. Мы молились и потом решили настаивать на трех простых правилах поведения:

она должна каждое утро стелить свою постель и убирать комнату перед завтраком;

она должна съедать все, что есть на тарелке;

она должна слушаться, как ей одеваться, и не менять одежду без разрешения.

И еще было четвертое правило – для меня: не избегать противостояния ей, если даже произойдет «извержение вулкана».

Мы сообщили Эдит Энн о нашем решении относительно этих трех правил. Она никак не отреагировала. На следующее утро я обнаружила в ее комнате ужасный беспорядок. Я сказала, чтобы она все убрала, прежде чем спустится вниз. Менее чем через минуту она уже была

внизу. Я спросила: «Ты убрала комнату?» Она сказала: «Да, но не ходи и не смотри сейчас!» Кончилось тем, что мы пошли-таки наверх и быстро убрали комнату вместе.

Мы неуклонно требовали выполнения этих правил, несмотря на ее сопротивление. Со временем она стала более спокойным ребенком. Истерики почти полностью прекратились. Мне казалось, что у нее появилось ощущение надежности от сознания того, что от нее требуют и чего она не должна делать. По-моему, она понимала, что я уже не боюсь противостоять ей, и я замечала, что ее бури стихали еще до того, как они успевали возникнуть. Она также понимала, что Пол и я действуем заодно и она не может настраивать одного против другого. Вы же знаете, как маленькие девочки ведут себя с отцом!

И все же это дело с запретом «нет» мне всегда кажется трудным. Может быть, потому, что я трусиха. Несколько лет спустя, когда Эдит Энн было около восьми лет, она захотела что-то сделать, я уже не помню, что, но я поняла, что должна сказать «нет». Мне стало страшно, и вечером, когда я убиралась на кухне, я вдруг стала говорить с Всемогущим. Я сказала Ему: «Должна ли я дальше все время преодолевать характер этой девочки? Я устала. Не могу ли я иногда уступить ей ради спокойствия?» И мне тут же был ответ: «Вместо того, чтобы страшиться этого, ты должна быть благодарна за каждую возможность преодолевать ее характер, потому что у нее очень сильный характер, и если ты не будешь преодолевать его, пока она мала, она не даст Мне делать это, когда вырастет».

Это был новый взгляд на ситуацию, новый взгляд на будущее. Действительно, наши дети не принадлежат нам, они принадлежат Господу, и если им суждено быть Его орудием, то покорность Его воле, наверное, и есть самое главное. Я поняла, что мы, родители, можем подготовить их к этому, когда они еще малы.

С тех пор всякий раз, когда я знала, что мне нужно будет сказать ей «нет», я говорила себе: «Ничего, вот еще один раз, все это ради будущего...»

К счастью, те времена, когда она устраивала сцены, уже ушли в прошлое.

Подруга из Франции, живущая в Лионе, имеет двух шаловливых сыновей. Она рассказала:

Это произошло вечером, когда я была уже доведена до крайности тем, что еще нужно управиться одновременно с множеством дел, а дети устали и возбуждены. Мой девятилетний сын мылся в ванной и очень баловался. Я вошла, нашла его и закричала: «Я могла бы тебя убить, я могла бы тебя убить!»

Как только я это сказала, мне стало очень стыдно.

Позже, когда сын ложился спать, я почувствовала, что нельзя допустить, чтобы он заснул без выяснения того, что произошло. Я не думала, что мне надо извиниться, потому что он вел себя очень плохо, но я спросила его: «Что ты подумал, когда я тебе сказала эти очень нехорошие слова?»

И он смущенно ответил: «О мама, я то же самое чувствовал относительно тебя, но не смел этого сказать!» Мы оба рассмеялись и почувствовали себя очень похожими и близкими друг к другу.

Мне пришлось признать, что в таких инцидентах проявляется моя истинная сущность, – вовсе не сущность хорошей матери, которая очень заботится о своих детях.

Я продолжала размышлять: что же еще, кроме усталости, заставило меня сказать такие слова? И я четко поняла, что когда по какой-либо причине (обычно очень конкретной) я не даю Господу управлять моей жизнью, то сразу же начинаю командовать своей семьей. Мой сын однажды сказал мне: «Мама, ты иногда ведешь себя, как королева». Он был прав, и это был отнюдь не комплимент!

Еще одна мать пишет из Калифорнии:

На днях мой десятилетний сын и его друзья нашли в контейнере для мусора несколько журналов «Пентхаус». Им это показалось очень интересным, все они пришли в комнату Джона, закрыли дверь и просмотрели все картинки. Затем они спрятали журналы и решили держать все в секрете.

Однажды вечером я заметила, что Джон явно чем-то обеспокоен, но он сказал, что не может нам ничего сказать, потому что дал слово не говорить.

Я сказала: «Зная тебя, я вижу, что тебя что-то беспокоит, и ты не успокоишься, пока не скажешь об этом мне или папе. Мы умеем хранить тайну».

Он рассказал нам свои впечатления от этих журналов и то смятое чувство, которое они вызвали. Нас это очень обескуражило. Мы втроем серьезно поговорили. Отец и раньше беседовал с Джоном о разных жизненных вещах, и он знал, что может говорить с нами обо всем. Господь для всего имеет наилучшее предназначение, в том числе для секса, как и для пищи. Но можно сильно заболеть, если объедаться (особенно шоколадом), и точно так же, если злоупотреблять сексом.

Мы договорились, что он предложит своим друзьям сдать журналы на макулатуру и разделить деньги. Ему удалось убедить друзей, что это хорошее решение вопроса.

Эдит Энн брала уроки игры на фортепьяно с восьми лет, по ее собственной просьбе. Она любила играть, но не любила упражняться.

Однажды, незадолго до ее двенадцатого дня рождения, я села с ней за фортепьяно и пыталась уговорить ее поупражняться, но потерпела полное поражение. Чем больше я настаивала, тем больше она сопротивлялась. Мы начали ссориться. Мои слова никак не действовали.

В конце концов я не знала, что сказать. Я почувствовала свою беспомощность и поражение и заплакала. Не думаю, что я когда-либо до этого плакала перед Эдит Энн. Наступила мертвая тишина. Она была поражена. Немного погодя я сказала: «Папа и я хотим дать тебе хорошее образование, мы стараемся дать тебе все, что нужно, не испортив тебя, но мы, очевидно, сделали что-то не так».

Она с плачем бросилась мне на шею: «Это не ваша вина. Я эгоистична и неблагодарна. Прости меня». С того дня наши отношения полностью изменились, мы как бы действуем на одной волне, вместо того, чтобы тянуть в разные стороны.

Подруга из Кении пишет о своем маленьком сыне, который скоро должен уехать в школу-интернат.

Фрэнк давно уже знает, что поедет в школу-интернат, и в этом году уже наступает время. Мы выбрали ту же школу, где учился его отец. Фрэнку только семь с половиной лет, и нам казалось, что он еще слишком мал, чтобы уезжать из дома. Мы готовили его к этому, часто беседуя, так что это событие не должно было стать неожиданным. Но когда этот момент наступил, и ему, и нам было трудно, тем более что до этого он ни разу не ночевал без родителей.

Однажды вечером мы отвезли его в школу с надеждой, что приняли правильное решение, хотя у нас были и сомнения, и опасения. Через две недели мы имели возможность посетить его в школе. Мы были поражены произошедшей в нем переменой: он повзрослел, очень по-деловому показал нам свои тетрадки, где он спит, где все находится, как бы гордясь тем, что он содержит свои вещи в порядке. Письма он писал веселые, расспрашивая о всех домашних.

Через пять недель занятий полагались четырехдневные каникулы. После жизни вне дома ему, казалось, намного больше нравилось все – его игрушки, велосипед, еда. Ему не хотелось уезжать снова, но он знал, что это нужно, и, хотя были слезы, он снова держался храбро.

Я сама заметила, что мне хотелось держать его при себе, и думала, что только мы, его родители, можем дать ему самое лучшее. А потом вдруг понимаешь, что уже не можешь контролировать ход событий, и не знаешь, все ли идет так, как надо. Когда мы говорили об этом, мой муж сказал: «Господь ведь заботится и о нем тоже».

Как может мать справиться с ситуацией, если она вдруг останется одна с маленькими детьми? Подруга из Англии пишет:

Моей дочери было только семь лет, а сыну четыре, когда внезапно умер мой муж. Сначала я не представляла себе, как я смогу жить без него. Он был таким замечательным отцом и мужем. Но любовь Господа к нашей семье и вера моего мужа дали мне мужество принять это как волю Господа и испытание Божье.

Серьезные проблемы возникли у меня с дочерью Дианой, которая была очень настроена против меня. Я не могла понять, почему она постоянно противится мне, и отнесла это за счет ее тоски по отцу, с которым она была очень дружна. Однажды учащиеся школы, в которой они оба учились, принимали участие в музыкальном спектакле. Они пели в пьесе несколько песен, имели маленькие роли со словами, и это им очень нравилось. В последней сцене дети сидели перед лампой спиной к публике и следили, как хор поет последнюю песню.

На премьере, когда публика стала аплодировать, многие дети обернулись и стали улыбаться публике. Им объяснили, что им уже аплодировали до этого и что эти аплодисменты предназначались всей труппе, и если они будут поворачиваться лицом к публике, это будет отвлекать всеобщее внимание. На следующем спектакле только Диана обернулась лицом к публике. Режиссер очень рассердился. Кто-то из взрослых сказал ей: «По-моему, тебе нужно подумать, почему ты обернулась. Все остальные послушались, а ты нет».

Дети в школе обычно проводили какое-то время, прислушиваясь к голосу Господа. На следующий день, когда они начали уроки несколькими минутами молчания, моя дочь, не говоря ни слова о пьесе, сказала вслух: «Я завидую своему брату, не знаю, что с этим делать».

Один из учителей предложил ей поговорить об этом со мной. Она так и сделала, хотя ей было это очень трудно. Она сказала, что, по ее мнению, я люблю ее брата Джона больше, чем ее. Я знала, что это несправедливо, но, подумав, я поняла, что мне нужно было прилагать больше усилий, чтобы быть с ней терпеливой по мере того, как она становилась все более и более непослушной.

Тем временем Джон использовал ситуацию и, видя, как его сестра выступает против меня, становился все более самоуверенным и непослушным.

Этот разговор явился поворотным пунктом в поведении обоих детей, поскольку они знали, что есть высший авторитет, к которому мы всегда можем обратиться.

Один журналист из Австралии написал о такой ситуации с его сыном:

На футбольном поле он был бесстрашным. И все же каждый вечер, засыпая, он должен был сосать палец. Эндрю было уже девять лет, и, несмотря на серьезные и даже отчаянные попытки мои и моей жены, с этой привычкой покончить не удавалось.

Мы пытались мазать ему палец неприятными мазями, зашивать ему рукава пижамы, но мы поняли, что прямое воздействие ведет просто к бесплодной борьбе характеров – наших против его.

Несколько недель спустя я стоял на коленях у его постели, готовясь вместе с ним молиться, и вдруг неожиданно, к собственному удивлению, сказал: «Ты когда-нибудь просил Иисуса помочь тебе перестать сосать палец?»

Я все еще чувствую на себе внимательный взгляд его глаз, когда он ответил: «Иисус может помочь тебе, мне Он не поможет».

«Почему же, – сказал я, – мне не так легко самому. Каждый день мне приходится просить Его о помощи в чем-то, чего я не могу сделать сам». «И мне тоже, – произнес он со вздохом, – вот хотя бы сегодня».

«А что было сегодня?»

«Ну, дело в том, что мне пришлось просить Иисуса помочь мне не смотреть опять на картинку на обложке журнала».

«А что было не так с этой картинкой?»

«Она была неприличная».

«А ты посмотрел опять?»

С некоторым облегчением последовал ответ: «Нет».

После этого он стал молиться. Я не помню, как он выразил свою просьбу о помощи. Но он больше никогда не сосал палец.

Много лет спустя Эндрю сказал нам, что больше всего ему помогло то, что мы были готовы быть абсолютно честными с ним в том, что нам нужно, вне зависимости от того, исходила инициатива от него или нет.

Женщина-врач из Англии испытывала чувство растерянности и беспомощности перед темпераментом своей маленькой дочери.

Жизнь шла спокойно и без проблем до тех пор, пока дети не стали маленькими личностями с собственными характерами, и я уже не могла с ними справиться. Люси, наша вторая дочь, казалась мне самой трудной. Она обычно ползала с плачем за мной из комнаты в комнату, и это меня очень раздражало. Иногда я поднимала ее на руки и трясла, чтобы заставить замолчать. Это, разумеется, не действовало, как я и предполагала. Хотя я потом чувствовала себя виноватой, но ничего не могла с собой поделать.

К тому времени, когда ей исполнилось три года, у нее начались настоящие истерики. Один раз в магазине она упала с криком на пол. Я ее больше никогда не брала с собой в магазин, но это не меняло ситуации.

Меня все это злило: вот я, рассудительный, умный врач, и все же я не могла управиться с собственной дочерью. Я терпела поражение перед малым ребенком. Положение становилось все хуже, пока однажды вечером я в отчаянии не бросилась на колени. Это было то, к чему я совсем не привыкла: мы редко ходили в церковь, я вообще мало думала о Боге. Из моего сердца вырвался вопль: «О Боже, что мне делать с этим ребенком?»

Меня сразу же пронзила мысль, как будто произнесенная вслух: «Ты прекрасно знаешь, что делать. Ты должна снова начать слушать Мой голос».

Я так и поступила. Меня воспитывали в вере в ценность времени, проведенного рано утром с Господом. Я решила, что буду вставать на полчаса раньше. Мне пришлось выдержать борьбу, так как я встретилась с большим сопротивлением мужа. Но я настояла на своем, и очень скоро не только я, но и он заметили перемену во всех детях. Это не дети были виноваты, а я. Я также поняла, что могу успеть за день гораздо больше и уделять больше внимания детям. Положение стало меняться, для меня было большой радостью, что мой муж решил присоединиться ко мне в минуты молчания утром.

Когда нашей третьей дочери Элизабет исполнилось двенадцать лет, она стала очень непослушной. Между нами встало какое-то препятствие. Она очень любила лесные цветы, и однажды утром мне пришла в голову мысль проводить с ней время, собирая и засушивая цветы. Они меня совершенно не интересовали, я не хотела этим заниматься. Но мы стали ходить на прогулки, иногда одни, иногда с другими девочками, чтобы посмотреть, кто сможет найти больше разных цветов. Вскоре у Элизабет был большой альбом с засушенными цветами, и, что гораздо важнее, мы с ней снова стали большими друзьями.

Что делать с ребенком, который не хочет ложиться спать?

Молодая пара, живущая на западе Англии, очень беспокоилась о своей трехлетней дочери, которую вечером невозможно было уложить.

Муж, его звали Гордон, работал на радиостанции, ему часто приходилось задерживаться до позднего вечера.

Когда, возвратясь домой, он видел, что маленькая Ханна все еще бегает, он начинал обвинять жену: «Ничего себе мать! Не можешь даже справиться с собственным ребенком». Марта приходила в отчаяние, изнемогая от этого сверхактивного ребенка, который не засыпал даже днем. Постоянные споры с Гордоном очень угнетали ее.

Однажды к Марте пришла подруга и дала ей экземпляр первого издания этой книги. Марта прочла несколько историй и подумала, что может попробовать прислушаться к голосу Господа в своей душе. Она уже испробовала все, и ей нечего было терять.

Когда она сидела молча, стараясь сосредоточиться, вдруг ей в голову пришла мысль: «Сегодня вечером, когда Гордон придет домой и начнет свои обычные обвинения, не отвечай ему».

Муж пришел домой поздно, очень усталый. Увидел, что Ханна все еще не спит, и повторилось то, что было каждый вечер. Марта молчала. Он посмотрел на нее и спросил: «Что с тобой? Ты больна или еще что-нибудь?»

– Я тоже беспокоилась относительно Ханны и наших с тобой отношений и попыталась испытать одно средство, – сказала Марта. И все рассказала мужу. Впервые за долгое время они спокойно поговорили о Ханне, о своем беспокойстве и о своих отношениях. А потом они каждый день вместе стали слушать Господа. Вскоре Ханна, чувствуя перемену в атмосфере дома, стала более спокойной и начала спать лучше. Это было началом изменений.

Анурез у мальчиков является проблемой во многих семьях. Мать из Канады пишет:

Когда нашему сыну Джимми было четыре года, он каждую ночь мочился в постель. Я повела его к врачу, чтобы выяснить, в чем дело.

Доктор сказал мне: «Именно сейчас нужно отучить его от этого, иначе он может никогда не справиться с этой проблемой. Разве вы не знаете, что взрослых мужчин приходится увольнять из армии по этой причине?»

Об этом я раньше ничего не слышала. Подсознательно я глубоко в душе спрятала этот страх.

Затем я всячески старалась избавиться от этого: давала ему меньше пить на ночь, поднимала ночью, иногда по несколько раз. Но чем больше я старалась, тем становилось хуже.

И продолжалось так много лет. Помню, я думала, что Джимми никогда не сможет уезжать из дома, а я проведу остаток жизни, стирая постельное белье.

Прежде я умела слушать Господа, но как-то утратила эту привычку. Однажды на Пасху я вдохновилась начать все заново и решила дать Господу возможность управлять моей жизнью. Джимми в то время было уже тринадцать лет.

Каждое утро я вставала раньше, чтобы провести в покое некоторое время, прежде чем начнется мой день, полный забот. У нас теперь было четверо детей.

Однажды утром мне в голову пришла ясная мысль: «Джимми не избавится от своего ануреза, пока ты не избавишься от своего страха перед этим». Тут же я поняла, что свой подсознательный страх я могу вручить Господу и попросить, чтобы он не возвращался ко мне. Я решила, что всякий раз, когда он подступит ко мне, я буду снова

возвращать его Господу. Это было не просто. Я буквально отгоняла этот страх и иногда говорила вслух: «Господи, я обещала отказаться от него».

Я сказала Джимми: «Я испортила свою жизнь и твою, о чем очень жалею, но больше я уже не буду нести ответственности за твой анурез. Отыныне все зависит от тебя».

Он посмотрел на меня насмешливо, но ничего не сказал. Он знал, что я говорю всерьез. Почти сразу же дела у него пошли лучше, и очень скоро он совершенно избавился от этого.

В то лето он впервые смог поехать в лагерь.

Когда мой муж и я осенью пошли к нему в школу, один из учителей сказал: «Что стало с Джимми? Это совсем другой мальчик».

Сейчас он уже взрослый, он врач. Я убеждена, что когда мы, родители, готовы платить цену, чтобы раньше встать и следовать внутреннему голосу, то действительно происходят чудеса.

Наблюдения показывают, что приемные дети, как бы о них ни заботились, часто чувствуют себя ненужными и вырастают агрессивными. Подруга из Йоркшира рассказывает:

У нас двое приемных детей, Дженни и Майкл.

Как-то утром Дженни, которой было семь лет, проводила время с молодой матерью из Индии и ее грудным ребенком. Впервые в жизни она видела, как ребенка кормят грудью. Она сказала: «Я думала, что меня так кормили первые три недели моей жизни». Затем последовал разговор о достоинствах грудного кормления и о кормлении из бутылочки. Дженни сказала: «Знаете, я родилась от школьницы». Индианка была поражена тем, как она свободно говорит об этом, ничего не скрывая и не стесняясь.

Дженни было три года, когда она впервые спросила меня о своем раннем детстве. Я рассказала ей, как мы впервые увидели ее, как она все время спала у нас на руках и как мы приняли ее к себе на следующий день. Мы были счастливы, что у нас есть маленькая дочка, потому что мы не могли иметь своих собственных детей. В течение нескольких недель Дженни то и дело просила меня рассказывать ей эту «историю». Она не спрашивала, что было до этого, пока ей не исполнилось шесть лет, хотя тот факт, что она выросла в «животе другой тети», и обсуждался.

Однажды в воскресенье она и Майкл играли в очень веселую игру, изображая, что я их ребенок, и поперебой ухаживали за мной. Все, что мне полагалось делать, это время от времени изображать, что я плачу, а все остальное время я лежала и отдыхала! Когда я встала, Дженни обхватила меня руками и сказала: «О мамочка, я знаю тебя всю мою жизнь, неправда ли, кроме тех первых недель, когда я была с той противной особой, которой я была не нужна?»

Я сказала: «Но, Дженни, это было не совсем так». И я рассказала ей о ее матери, которой было четырнадцать лет, и что она написала нам письмо, когда мы удочерили Дженни, с просьбой рассказать ей, что она ее очень любит, но разрешает нам быть ее мамой и папой, потому что не может о ней заботиться, как следует.

Тогда и Дженни, и Майкл стали задавать мне вопросы о своих матерях, и я рассказала им все, что мне было известно, особенно подчеркивая их тревогу и любовь к своим детям. Дети спрашивали, могут ли они повидать своих матерей. Они поняли, когда я сказала, что не знаю, где их матери, и что, наверное, это к лучшему.

Майкл, как обычно, принял все по-деловому, но Дженни была очень взволнована. Я тоже была взволнована. Я думала, что Дженни не будет спать ночью, но оказалось, что она с большим сочувствием думала обо мне, чем о себе. Перед сном я сказала ей, что я знаю, у нее в душе останется маленькая грусть, но такая грусть есть у большинства людей, а мы очень, очень, очень счастливы, что мы есть друг у друга, родители и дети, брат и сестра.

На следующий день Дженни вела себя так, будто она избавилась от большой тяжести на душе. И с тех пор она так и ведет себя. На следующий день она пошла в новую школу, и казалось, что она вступила в новую полосу жизни. Наши дети спокойны и уверены в себе, без капризов и дерзости. Я думаю, что это происходит от честности в наших отношениях.

***Прислушайтесь,
наконец...***

Б Л А Г О Д А Р Н О С Т Ь

Хочу поблагодарить Диану Беннет и Пэт Дьюс, а также других друзей за постоянную поддержку и мудрые советы, которые они давали во время моей работы над этой книгой.

Диане первой пришла мысль о необходимости такой книги. Диана и Пэт вместе потратили много часов, читая, внося поправки и комментируя отдельные истории по мере их написания.

Хочу выразить особую благодарность Мэри Лин за ее неоценимый вклад и полезные поправки, а также Маргарет Грей, которая взяла на себя деликатную задачу сделать или найти подходящие фотографии к каждой главе.

Особо я хочу поблагодарить всех тех, кто, потратив свое время, сделал эти рассказы возможными. Без них этой книги не было бы вообще.

И наконец, я выражаю благодарность Полу, Эдит Энн и Дигне за их огромную поддержку в осуществлении этой затеи, за их прямо-ту и чувство юмора, которые придавали мне уверенность во время работы над книгой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Два года назад мы с Полом отпраздновали нашу серебряную свадьбу.

Иногда я удивляюсь, как два столь разных человека смогли радоваться обществу друг друга в течение такого долгого времени. Пол – врач, родившийся и выросший в канадских прериях. Его единственная сестра умерла, когда ей было шесть лет. Я – голландка, одна из семерых детей в нашей семье, училась в Амстердаме и Париже. Сейчас живем в Лондоне. Мы едва знали друг друга, когда поженились, и до сих пор у нас разный подход к одним и тем же проблемам.

Наиболее важным в нашем браке мы оба считаем обязательства перед Богом. Еще до знакомства каждый из нас заключил договор с Господом, препоручив Ему наши жизни, чтобы Он их использовал так, как Он считает нужным, для осуществления перемен, которые так требуются миру.

С каждым днем все больше и больше людей вступают в брак, и все больше и больше браков распадаются.

Количество разводов в США увеличилось более чем в два раза за последние 15 лет, один из трех браков в Канаде и Англии кончается разводом.

У нас с Полом не было травмирующих моментов в совместной жизни, но многие из наших друзей не были столь удачливы. Наблюдая их боль и отчаяние, я и решила написать эту книгу.

Дело в том, что, несмотря на печальную статистику, я знаю множество пар, которые пришли к примирению, – некоторые после нескольких месяцев жизни раздельно, другие – после нескольких лет развода. Эти люди пришли к выводу, что брак может радовать и удовлетворять и вместо смены партнеров нужно просто измениться самим. Это совсем непросто, но дело стóит того.

В этой книге некоторые из наших друзей и знакомых рассказывают свои истории. Среди них такие, как Марио и Линда, которые дрались из-за своих детей на улице; Джеймс и Барбара, которые почти не разговаривали друг с другом в течение шести лет; Даниель и Илайна, которые разошлись, когда она завела любовника; Жак и Франсина, – они не дрались, но чувствовали, что их что-то разделяет; Люси – многострадальная жена, заново построившая свою жизнь после развода.

Общее, что объединяет этих людей, – открытие, что Господь указывает нам, как поступить, если мы прислушиваемся к Нему и подчиняемся Ему.

Большинство этих людей – мои друзья, и все истории правдивы. С целью сохранения тайны я изменила многие имена. Никого из упомянутых мною людей вы не увидите на фотографиях, иллюстрирующих книгу.

Ты меня слышишь?

Несколько лет назад Пол и я ужинали с одной парой из Канады. «Какое у тебя предназначение в жизни?» – спросила я нашего знакомого. Он сказал, что никогда не задумывался об этом, но вопрос заставил его разговаривать. К концу вечера его жена сказала ему: «Сегодня ты говорил более откровенно, чем за все двадцать лет нашей совместной жизни».

Общение – это та скала, о которую разбиваются многие браки. Пол и я знали это и не забывали об этом никогда.

Вскоре после свадьбы время от времени у него бывало молчаливое настроение, которое могло длиться несколько дней, и я впадала в отчаяние. Наконец, когда это становилось невыносимым, спрашивала:

– В чем дело в конце концов?

– Все в порядке, – обычно отвечал он.

– Но ты не произнес ни слова за три дня.

– Правда? – Он даже не осознавал своего молчания.

Затем я обычно начинала задавать ему вопросы, и постепенно мы обнаруживали, что вызвало его раздражение тремя днями раньше и послужило причиной молчания. Иногда причина оказывалась столь незначительной, что мы над ней вместе весело смеялись.

Ночная смена

Некоторые супруги начинают отдаляться друг от друга, когда случается нечто, о чем говорить слишком болезненно. Когда Джо и Джени, супруги из Англии, потеряли единственного сына Питера, – он погиб в Северной Ирландии, – их брак почти умер вместе с ним. Джени пишет:

«Ты никогда не думаешь, что это может произойти с тобой, но страх этого постоянно грызет тебя изнутри. Джо хотел, чтобы Питер пошел в армию, я – нет. Поэтому, когда сына убили, Джо чувствовал, что я виновна. Он сделался молчаливым, ушел в себя, думал, что я его ненавижу».

Мы девятнадцать лет были счастливой семьей. Джо был в армии пятнадцать лет, прежде чем мы поженились, и первые пять лет брака я ощущала, что армия довлеет над нами. Я вздохнула с облегчением,

когда он оставил армию и нашел хорошую работу. Тогда Питеру было восемнадцать лет. У меня произошло два выкидыша до его рождения, и я потеряла еще одного ребенка двумя годами позже. Поэтому Питер был особенно дорог нам. Было так мучительно, что он умер совсем молодым.

Думаю, что я действительно осуждала Джо. Мне казалось, что он должен был предоставить мальчику возможность самому принимать решения, вместо того, чтобы забивать ему голову небылицами об армейской жизни. Когда Питер вступил в армию, он стал более дисциплинированным и немного отстранился от семьи. До этого мы с удовольствием проводили время вместе.

Я замечала боль в глазах Джо, а он, возможно, видел ее в моих. Но, избегая говорить о наших страданиях, мы все более и более отстранялись друг от друга. Наконец мы оказались на грани развода. У Джо появилась подруга, а у меня была моя работа медсестры. Его целыми днями не было дома, а я работала четыре ночи в неделю.

Однажды ночью я дежурила в реанимационном отделении. Один мужчина, из списка находившихся в критическом состоянии, был того же возраста, что и Джо, его телосложения и цвета волос. Когда я заглянула в историю его болезни, я узнала, что пациент недавно пережил тяжело перенесенный им развод и его теперешнее состояние было вызвано попыткой самоубийства. Он умер на этой же неделе.

Я была потрясена. Что если бы это произошло с Джо? Что если его молчаливая задумчивость уже перешла в тяжелую депрессию и он подумывает о том, чтобы покончить со всем этим, с одной стороны, из-за смерти Питера, а с другой, из-за моего отношения к нему?

Я провела эту ночь в мучениях, у меня разыгралось воображение. В конце смены я позвонила Джо, чтобы убедиться, что все в порядке. Он был изумлен. Я пробормотала что-то, и Джо сказал нечто в ответ, – не помню что.

Прежде чем я что-либо поняла, мы оба были в слезах. Подошла сестра и велела взять себя в руки: она не хочет, чтобы кто-нибудь из пациентов утонул, – пошутила она.

На следующий день Джо не пошел на работу, и мы говорили и говорили: о том, как смерть Питера поразила нас, что мы чувствуем теперь, – чувства сами просились наружу. Я не знаю точно, что произошло, но как только мы начали говорить друг с другом и нашли в себе смелость обсуждать все скрытые раны, наступило великое выздоровление. Жизнь теперь стала совсем другой».

Все идет так, как мне надо

Когда канадцы Пьер и Сара поженились, он писал диссертацию по промышленному менеджменту. «После этого меня ждет работа, – говорил он. – Все идет так, как мне надо».

Сара – юрист, но ее неудовлетворенность работой все больше и больше росла. «Позднее я понял, что она чувствовала себя как корабль, плывущий по воле волн, – рассказывает Пьер. – Я полагал, что у нее апатия. Она же думала, что мой интерес к работе означает, что я безразличен к ней. Редкое общение между нами порождало отдаление друг от друга. Мы закончили тем, что прожили раздельно несколько месяцев».

Когда Сара ушла, Пьер пережил нервное потрясение и впал в депрессию. «Я просто не мог понять, что именно поразило меня. Обычно при необходимости избежать столкновения с реальностью я с головой бросался в какое-либо дело, но на этот раз с помощью консультанта по проблемам брака и друзей я взглянул на себя заново.

Я начал понимать, что обвинял Сару во всем, что шло не так, как надо. Она просила не делать того или другого, но я чувствовал себя уверенным в своей правоте. Теперь я понимал, что не слышал и не замечал ее молчаливого призыва о помощи. Мне было трудно принять на себя долю ответственности за происшедшее, но как только я это сделал, мое состояние совершенно изменилось».

В течение года они встречались только по уик-эндам, живя в разных городах, и Пьер делил свое время между двумя женщинами. Медленно, по кусочкам, восстанавливали они свой брак – и сложили нечто отличное от того, что было раньше. Сейчас они живут в Квебеке в старом фермерском доме, который отремонтировали сами. После десяти лет брака у них появился ребенок – девочка.

«Моя работа теперь не представляет для меня большего значения, чем моя семья», – говорит Пьер. Они вместе занимаются благотворительной деятельностью, организуют сбор одежды для бедных в Вест-Индии. «Мы стараемся прислушиваться к нуждам других людей и откликаться на них».

Барьер

Жак и Франсина не могли понять, что происходит между ними. Наконец, во время отпуска в горах, далеко от Парижа, они нашли время поговорить друг с другом. Франсина вспоминает:

«Это была красивая лунная ночь, и все было очень спокойным. Жак и я начали говорить друг с другом так, как нам не приходилось уже в течение долгого времени.

С тех пор как у нас восемь лет назад появился первый ребенок, Элиан, между нами возник барьер. Я пыталась разрешить эту загадку много раз. Но в эту ночь я начала понимать, что произошло. Я любила Жака и восхищалась им с восемнадцати лет. Наша встреча была предрешена судьбой и совершенно изменила наши жизни.

Появление ребенка, хотя и прибавило новый смысл моей жизни, в то же время усложнило ее. Жак не мог наглядеться на девочку, она стала его маленьким кумиром. Не чувствуя себя более единственной, кого он любит, я ощущала разочарование, – будто у меня что-то отняли.

Четырьмя годами позже родилась Сюзанна. Мне казалось, что Жак любит ее не так сильно, как Элиан. Таким образом, Сюзанна стала моей любимицей, и это задевало Элиан. Она всегда была виноватой в моих глазах, и это, видимо, заставляло Жака любить ее еще больше.

Во время разговора мы разобрались в этой ситуации. Я поговорила с Элиан на следующее утро. Я рассказала ей все и попросила у нее прощения. Ее реакция была мгновенной и радостной: «Наконец-то ты призналась! Ты на самом деле любила Сюзанну больше, чем меня. Я знала это!» И она меня крепко обняла.

Когда родилась наша третья дочь, мы все были готовы любить ее безоговорочно».

Как само собой разумеющееся

Дуг – служащий британских профсоюзов. «Я влюбился в Салли сразу же, как только увидел ее, – говорит он. – Я помню, как она спускалась по лестнице в доме своей матери и ее голубые глаза светились радостью. Я тут же решил, что она как раз та девушка, на которой я собирался жениться!»

Это было около тридцати лет назад. Недавно Дуг оказался в Индии, в канун Нового года, в составе профсоюзной делегации. И хотя он находился в конференц-зале, где было полно народу, он чувствовал себя ужасно одиноким. Дуг стал думать о своем браке и увидел его таким, каким он был в самом начале.

«Я понял, что в последние годы принимал Салли как нечто само собой разумеющееся, хотя все еще любил ее. Когда мы только поженились, мы оба были молоды, работали и развлекались. Мы все обсуждали вдвоем. Затем пошли дети, и не стало возможности проводить много времени вместе. Я глубоко ушел в работу и предоставил Салли управлять со всем в доме. Постепенно я перестал делиться с ней своими мыслями и взвалил на нее разрешение всех проблем, связанных с детьми.

И вот здесь, в Индии, я, воинствующий тред-юнионист, который мог призывать людей к борьбе за свои права, чувствовал себя совершенно потерянным без жены. Я решил, что должен извиниться перед ней. Я написал ей о том, как много она значила для меня и как я сожалею о том, что относился к ней все эти годы как к чему-то само собой разумеющемуся. Все стало по-другому, когда я вернулся: мы

все обсуждали вместе, и я не намерен больше возвращаться к своему прежнему самодовольству».

Диалог с подтекстом

Думая, что хорошо знаете, что чувствует ваш партнер, вы ошибаетесь. Узнать о его истинных переживаниях вы сможете, лишь выслушав его или ее. Это особенно важно, когда один из партнеров очень энергичный, умеет четко формулировать свои мысли и чувства, а другой – более спокойный и склонен к размышлениям.

Моя подруга Диана рассказывает о том, как она неправильно вела себя однажды вечером, когда ее муж пришел домой усталый и начал что-то делать в саду. Она настаивала на том, чтобы он зашел в дом поужинать, думая, что проявляет заботу о нем, считая, что ему надо было присесть и отдохнуть. Он же, напротив, вышел из себя, так как весь день сидел на работе и считал работу в саду гораздо лучшим отдыхом.

«Он обычно также раздражался, когда я ему перечисляла все, что мы можем сделать в уик-энд, – продолжает она. – Мне как-то и в голову не приходило, что у него могут быть свои соображения! Собственно, они даже чаще были лучше моих, потому что он обдумывает все более тщательно и не действует импульсивно».

Пэт пишет короткие рассказы для женского журнала, ее муж Дик – изобретатель, он любит точность во всем. У них часто возникают различные недопонимания. «У Дика логичное, упорядоченное мышление, и он всегда воспринимает все буквально, – объясняет она. – Я же, напротив, отвечаю на то, что, как я чувствую, скрыто стоит за вопросом. Это обычно раздражает его.

Например, он кричит: “Ты где?” Я думаю, что он, вероятно, хочет узнать, чем я занимаюсь, поэтому отвечаю: “Я вытираю пыль”. Или он спрашивает: “Что ты делаешь?” – и я отвечаю: “Я в столовой”. Если его спросить: “Где ты купил эти отбивные?” – он скажет: “Там-то и там-то на Хай-стрит”. Если этот вопрос задать мне, реакцией, вероятнее всего, будет: “А что, что-то с ними не так?”

Многие решения можно принимать совместно, но для всего существует свое место и время. Я бы не стала обсуждать планы на отпуск во время накрытия стола к праздничному обеду, а он не стал бы их обсуждать, когда начинается ответственный матч. Мы также пришли к выводу, что проблему следует обсуждать до полной ясности, а не решать ее наскоком в самые неподходящие моменты».

Фоновая музыка

Некоторые женщины жалуются, что их мужья слишком молчаливы, а иные мужья, что их жены слишком разговорчивы. Когда швейцарского психолога Поля Турнье в 1982 году попросили это прокомментировать, он ответил:

«Вы знаете, как бывает, – муж приходит после работы обеспокоенный. Жена тут же приступает к нему: “Что случилось? Тебя что-то тревожит?” Он ворчит: “Нет”.

Чуть позже она говорит: “Послушай, мне стоит лишь взглянуть на тебя, чтобы понять, что тебя что-то беспокоит. Мы вместе и для плохого, и для хорошего. Я хочу помочь тебе. Я люблю тебя. Что произошло?” – “Ничего”.

Они садятся ужинать. Детям велено не шуметь, так как у папы был тяжелый день в офисе.

Затем детей посылают спать. Муж и жена остаются одни. Она возобновляет разговор. Он отвечает: “Я тебе сказал уже! Ты раздражаешь меня своими вопросами. Ты придумываешь проблемы”. Чем больше она настаивает, тем больше он сопротивляется.

Как врач, я встречаю много жен, которые заявляют мне: “С моим мужем невозможно нормально разговаривать”. Позднее, встречаясь с мужем, я говорю: “Ваша жена считает, что не может с вами общаться. Почему?” Муж отвечает: “Глупости, мы говорим обо всем”.

И это правда, они действительно говорят обо всем: об Афганистане, о ценах на картофель, о финансовой обстановке в мире, о карьерах детей. Они говорят обо всем, – но ни о чем личном.

Это происходит со множеством пар. Чем больше жене хочется серьезного диалога, чем больше она хочет узнать у мужа о его надеждах и проблемах, тем больше он замыкается в себе.

Существует много семей, где жены говорят все время. Женщины рассказывают мне: “Я могу говорить в течение вечера, в то время как мой муж не произнесет ни слова. Он сидит за газетой, а я время от времени спрашиваю: ‘Ты слушаешь?’ Он отвечает: ‘М-м-м’, – и я продолжаю говорить”.

Я постоянно поучал свою жену. У нее было образование ниже, чем у меня, поэтому я объяснял ей различные вещи, например, научные или психологические понятия. Я объяснял ей то, о чем она не спрашивала. Мысль, что *она* может научить чему-то *меня*, казалась мне невероятной.

Что-то изменилось, когда мы вместе начали прислушиваться к “внутреннему голосу” и я научился оценивать важность сказанного ею и дал ей возможность выразить себя. Она научила меня уважать человеческую личность. Уважать значит признавать другого равным

себе, а следовательно, ожидать получить от другого столько же, сколько можешь дать сам.

Сколько мужчин делают своих жен “фоновой музыкой”! Люди часто подшучивают над женщинами, которые все время говорят, но те продолжают говорить, потому что мужчины их не слушают».

Прислушаться к голосу свыше

Я обнаружила, что Пол начинает высказываться о своих сокровенных чувствах, когда я начинаю говорить о своих. Общение у нас начинается рано утром. Я люблю долго поспать, но примерно в 6.30 или 7 утра Пол приносит чашку черного кофе, чтобы разбудить меня. Затем мы предоставляем Господу время указать нам, что Он хочет, чтобы мы делали, – мы прислушиваемся к «внутреннему голосу», как это называет Поль Турнье.

Мы записываем мысли, которые приходят нам в голову, – земные или возвышенные. Иногда это просто мысли, связанные с работой по дому, иногда то, что беспокоило меня раньше, или мысль, что вчера я могла бы что-то сделать лучше, соображения, как помочь другу в трудной ситуации. Затем мы говорим о том, что записали.

Этот утренний, спокойно проведенный отрезок времени помогает нам обсудить вещи, которые действительно важны, а подчинение мыслям, которые приходят в этот момент, вносит приключенческий элемент в нашу жизнь. Мы находим, что наша жизнь, таким образом, не утрачивает новизны. Многие люди, рассказывающие свои истории в этой книге, испытали то же самое.

Иллюзии о безупречном браке

Большинство людей вступают в брак с большими ожиданиями и даже иллюзиями. Некоторые союзы не выдерживают и первого столкновения с действительностью. Жена одного политика рассказывает: «Мы поженились по любви. Наш брак был красивым и возвышенным. Через три-четыре года мы оказались низвергнутыми на землю».

Когда иллюзии сталкиваются с реальностью, всегда есть соблазн заменить старую мечту новой. Я обычно ехала домой, оставив девочек в школе, слушая мелодии 50-х годов и вспоминая молодых людей, которых я знала до встречи с Полем. Затем я представляла, что бы произошло, если бы я вышла замуж за одного из них, и начинала сравнивать Поля с ними. Все это казалось довольно невинным, кроме одного, – это отдаляло меня от Поля.

Моя подруга Эми испытала то же самое. После нескольких лет замужества она начала находить жизнь однообразной: «У меня был муж и дети, чего я всегда хотела, но теперь пикантность брака исчезла, и он стал казаться бесцветным. Я стала представлять, как было бы хорошо, если бы меня подхватил какой-нибудь красавец-принц и мы стали счастливо путешествовать по свету до конца жизни».

Однажды она вспомнила (и это ее поразило), что давала обет жить с мужем до тех пор, пока смерть не разлучит их. «Я должна была выбрать: либо провести годы в мечтах, которые никогда не станут реальностью, либо заново полюбить мужа и приобрести земное счастье, – говорит она. – Я попросила Господа дать мне возможность вновь почувствовать любовь к мужу. Я стала любить его по-новому и обнаружила, что любовь, которую ты даришь, возвращается сторицей».

Роман в Рио

Тереза встретила Карлоса в Рио-де-Жанейро и вышла за него замуж, когда ей было восемнадцать, полная иллюзий по поводу их будущей

сказочной совместной жизни. Она родилась в Германии, а он – в Португалии.

Вскоре Тереза обнаружила, что у него было совершенно четкое понятие о том, какой женой он хотел бы ее видеть. Чем больше он пытался заставить ее соответствовать своему представлению о жене, тем больше она сопротивлялась. Он начал обвинять ее в деспотизме, и дело доходило у них до драк.

Она была секретаршей, а Карлос работал в администрации отеля. Однажды Тереза пошла к своему начальнику занять у него денег, и он поинтересовался, зачем ей деньги. Она объяснила ему, что они с Карлосом расстались и ей нужно снять квартиру для двоих детей и себя. «Мы не можем ужиться, – объяснила она, расплакавшись. – С ним невозможно жить». И рассказала ему всю историю.

Выслушав ее, начальник сказал: «Если ты хочешь, чтобы муж изменился, тебе следует начать с себя. Тебе никогда не приходило в голову, что, возможно, ты где-то была неправа?» И предложил ей, придя домой в этот вечер, взять Нагорную проповедь как образец и подумывать над ней.

Уложив детей в постель, Тереза приготовила себе крепкого браزيلского кофе. Затем она поступила так, как ей посоветовали. В результате она написала четыре фразы: «абсолютная честность», «абсолютная непорочность», «абсолютное самоотречение», «абсолютная любовь», – и начала думать, соответствовала ли ее жизнь этим идеалам.

Медленно вырисовывался ее собственный портрет, который очень отличался от того, который она себе представляла ранее. Тереза вовсе не была терпеливой матерью и любящей женой и не была, как она думала с уверенностью, права в сложившейся ситуации. Она поняла, что была виновна в большинстве случаев, когда обвиняла Карлоса. Она увидела свою импульсивность, ненадежность, поняла, что была неэкономной в деньгах, которые тратила на свою одежду и косметику, была вспыльчивой и слишком гордой, чтобы приносить извинения. Неудивительно, что они не могли ужиться.

«Боже! – воскликнул начальник, когда она явилась на работу на следующее утро. – Ты выглядишь на несколько лет моложе!»

Этим же вечером, по дороге домой, она начала сочинять письмо Карлосу, признавая свои ошибки и прося у него прощения. Написала все это той же ночью.

Как только Карлос получил письмо, он позвонил и спросил, могут ли они встретиться. Он пришел тут же с большим букетом роз, сказав ей, как был тронут ее откровенным признанием, и тоже попросил прощения. Они долго разговаривали, и взаимное чувство горечи стало исчезать. Они решили снова начать жить вместе.

«Эта откровенность стала новым фундаментом для нашего брака, – сказала она мне позже. – Вместо внутренней пустоты, которую я пыталась заполнить вином, я начала ощущать растущую надежду на то, что пройденное нами может быть полезно и другим супружеским парам.

Это подтвердилось, когда жена моего брата помирилась со своим мужем, прожив с нами два месяца.

Когда я ушла от Карлоса, то думала, что никогда не полюблю его снова. Но я ощутила, что внутри меня появилась сила, которая может давать любовь к нему каждый день, когда бы я к ней ни обратилась».

Кошмар

Казалось, все благоприятствовало Питеру и Анне, когда они поженились. Они сильно любили друг друга и, познакомившись через общину, ощущали, что у них общая жизненная задача. Но началом их брака стал «кошмар». Анна объясняет это так:

«Мы не подозревали о трудностях совместной жизни. Первый год был ужасным. Я была очень независимой личностью и любила все делать сама и быстро. Например, заменить штепсель. А Питер считал это своей работой. На мою инициативу он обычно реагировал критикой. “Почему ты не укрепила ступеньки как следует?” – спрашивал он, например. Это приводило меня в бешенство. Между нами происходили ужасные ссоры. Иногда, казалось, атмосфера сгущалась до такой степени, что ее можно было резать ножом.

Питер часто принимал решения, с которыми я была не согласна. Кроме того, он был неопрятен. Единственное, что я способна была сделать, – это вспылить. Иногда после ссоры мы не разговаривали в течение двух дней.

Рождение двух дочерей не улучшило наших взаимоотношений. Казалось, нет способа остановить цепь скандалов и периодов молчания. Иногда мы делали попытки помириться, но потом вновь начинали вспоминать старое и обвинять друг друга. Несколько раз Питер упаковывал свои вещи, но ни разу не уходил.

Однажды вечером я была в отчаянии. Оставив двух детей дома, я выбежала повидаться с подругой и излила ей все свои беды. Выслушав меня, она сказала: “Да, Питер слишком критичен к тебе, и он очень неряшлив. Но ты что-то должна делать со своей ужасной вспыльчивостью”. Ее слова потрясли меня.

Мои родители часто ссорились, и никто из них никогда не просил у другого прощения. За ссорами следовали “молчаливые” периоды. Но я поняла, что должна извиниться перед Питером. Я это сделала, и обстановка улучшилась.

Позднее мы пошли к моей подруге и ее мужу и приняли совместное решение: Питер не будет критиковать меня в течение трех месяцев и станет убирать за собой одежду, а я не буду реагировать на его поступки, буду принимать его таким, каков он есть.

То, что было испытательным сроком, стало привычкой. Мы научились жить в согласии и вскоре могли обсуждать наши дела, более не оскорбляя друг друга. Я даже как-то подобрала за ним забытый носок, не заметив, что я делаю!

Мы стали более внимательны друг ко другу. Однажды знакомая сказала мне: “Вы действительно любите друг друга!” Я засмеялась и подумала: “Вряд ли ты сказала бы это три года назад”».

После бури

Брак Тома и Кэрен – не из легких. Они оба писатели, люди, высказывающие открыто то, что они думают, привыкшие к независимости, сложившиеся как личности еще до того, как они встретились. Но вот после более двадцати штормовых лет они все еще вместе. Кэрен объясняет, почему:

«Мы встретились в середине января, обручились в мае и поженились в августе. Это был страстный роман, но мы испытали удар, как только начали нашу совместную жизнь. На третий день медового месяца у нас была бурная ссора, и Том кричал: “Давай разведемся! Какой смысл оставаться вместе?!”

Но вопреки нам самим, мы все еще женаты! Однажды после жуткой ссоры Том снял золотое кольцо со своего пальца. Он часто угрожал выбросить его, а иногда так и делал. На этот раз он сказал: “Это кольцо было благословлено перед алтарем. Ты задумывалась об этом?”

Да, я думала об этом и вступала в брак с убеждением, что браки священны. Я твердо верила, что Господь предназначил нас друг для друга, но после первых трех ужасных месяцев пришла к выводу, что секс был единственной причиной, из-за чего я вышла замуж. К моему великому удивлению, когда я призналась Тому в своих сомнениях, он ответил: “Если я и был в чем уверен, так это в том, что Господь предназначил нас друг для друга”.

Тома даже нельзя назвать верующим: в нашей семье в церковь хожу я. Но в глубине души он уважает то, что священо. И это священное, насколько я понимаю, создало вокруг нас невидимую стену, защитившую наш слабый союз.

Однажды дочь сказала мне: “Мама, мне так грустно, когда папа груб с тобой, потому что я люблю тебя. Но мне плохо и тогда, когда ты обижаешь его, потому что я его тоже люблю”. Я попросила ее щипать меня, когда я буду обижать Тома. И вскоре я была вся в синяках!

По несколько раз в день, иногда даже во время еды, она вынуждена была щипать меня.

Я была поражена! Оказывается, я вовсе не была мягкой, нежной, любящей, терпеливой женой, как воображала раньше. Вместо того, чтобы критиковать Тома, мне надо было избавляться от своих собственных недостатков.

На стене в кухне у нас висит “памятный” календарик. Там мы записываем, что надо купить, и всем, кто будет проходить мимо магазина, рекомендуется заглянуть в этот календарик и купить нужные продукты. Том никогда не заглядывает в него, он часто покупает то, что совсем не нужно. Если я встаю рано и пеку хлеб, гордясь этим, он наверняка принесет хлеб из магазина. Или если я сварю варенье, на следующий же день увижу на столе две банки магазинного варенья.

И я поняла, что мне надо научиться воспринимать такие ситуации положительно! Увидев, например, купленный хлеб или варенье, когда они не нужны, произнести: “О, как это мило с твоей стороны подумать об этом!” – означало бы очень сильно измениться, научиться думать в первую очередь не о себе.

Как-то наш старший сын должен был приехать из школы. Он бывает дома не часто, поэтому я очень хотела, чтобы дом выглядел красиво. До работы я попыталась начать уборку, но Том раздраженно крикнул: “Уходи!” Я ушла, думая, что сделаю это позже.

Когда я пришла с работы, он сидел на кухне и читал газету, положив ноги на стул. Я не выносила его присутствия на кухне, когда готовила обед, и еще больше, когда мыла одновременно пол. В этот день я была так раздражена, что у меня начали болеть руки. Внезапно он спросил: “Ты почему такая злая? Я все время ощущаю, как ты ненавидишь меня”. Я сделала глотательное движение, собираясь опровергнуть сказанное. Затем решила быть честной. “Мне трудно делать дела, когда ты сидишь здесь и читаешь газету”, – сказала я. Он и не пошевелился.

К этому моменту у меня было такое настроение, что я вынуждена была покинуть кухню. Я вышла в коридор с метлой. Что делать? Наш сын тотчас почувствует атмосферу в доме. Молитва оставалась единственной надеждой. Медленно вода метлой, я начала молиться.

Постепенно у меня отлегло от сердца, руки перестали болеть, и я вернулась на кухню. Том ушел. Когда он вернулся, мы смогли улыбнуться друг другу.

За несколько недель до этого мы серьезно поссорились. Том разозлился на меня за то, что я слишком много времени уделяю церкви. Он говорил ужасные вещи. В течение нескольких часов я вообще не могла произнести ни слова, а потом пыталась возразить. Он был настолько зол, что удрил меня.

Это много раз случалось и раньше, но теперь я серьезно подумала об уходе, чувствуя, что не могу дальше терпеть унижения, и верила, что дети все поймут. Но Том был дома, и я не могла начать готовиться к этому.

На следующее утро я вышла погулять в лес недалеко от дома. Меня разрывало от ненависти, горечи и унижения, сильно болели руки.

Внезапно мне пришла мысль помолиться на четках. Я начала очень вяло, почти без желания. Но чем дольше я думала о жизни Иисуса, Его унижениях и страданиях на кресте, – а Он ведь был невиновен и страдал за меня, – тем большей надеждой наполнялось мое сердце. За эти два часа мой взгляд на вещи совершенно изменился.

Я позавтракала с друзьями и пошла домой, с удивлением ощущая легкость своей походки и обновление в теле. Я не могла даже вспомнить, из-за чего мы поссорились. Вечером, когда Том пришел домой, он сказал смущенно: “Ты можешь не есть со мной, если не хочешь”. Я улыбнулась ему, и мы вместе сели за стол. Вечером он глубоко раскаялся. Я поблагодарила Господа в сердце своем за то, что Он изменил меня через мою молитву.

Однажды мы строили новый дом для гостей, который должен был стать и моим рабочим местом: Том не терпел моих друзей в нашем доме. Так как я собиралась вложить в этот дом большую часть своих денег, я ему сказала: “Поскольку у нас будет новый дом для гостей, я собираюсь приглашать своих друзей тоже”.

“Никогда”, – ответил он. Я возразила: “Пусть так, но если ты будешь против прихода моих друзей в наш дом, я не стану тратить на него свои деньги. Ты сделаешь это сам”. – Я чувствовала, что выхожу из себя.

Он поблел. Это должен был быть красивый дом, и он планировал его с огромным удовольствием. И деньги, и строительство – все это было важным для него. Он подошел к телефону и сказал: “Отлично. Я вызову адвоката, и мы обсудим наш развод”.

Его разговоры о разводе раньше ни к чему не приводили. Но на этот раз я знала, что у него серьезное намерение: его задело за живое.

Я ушла в комнату и заплакала. То, что произошло, не должно было произойти. Но его ненависть к моим друзьям была ничем не оправдана. Что мне было делать? Я встала на колени и начала молиться: “Пожалуйста, Господи, помоги нам. Пожалуйста, спаси наш брак. Пожалуйста, укажи мне выход”.

И слезы остановились. В сердце наступил покой. Внезапно мысль поразила меня, как если бы кто-то сказал: “Иди и извинись за свои черствые слова”. “Нет, – запротестовала я, – только не это”.

Это был труднейший шаг в моей жизни, но я его сделала. “Ты меня простишь за то, что я была вне себя?” – спросила я Тома, чувствуя

себя очень глупо. Он посмотрел изумленно, затем протянул руку и сказал: “Пусть твои друзья приходят, только давай мне знать об этом заранее”.

Такое примирение поистине было чудом. Я не могла бы сама совершить его. И Том тоже не смог бы. Но есть сила, которая дарует нам способность прощать, если мы призываем ее. Я поняла, что можно прощать, быть великодушными и делать друг для друга многое, пусть мелочи, чтобы великодушные не иссякло.

Например, у нас у каждого своя спальня, и мы сами заправляем свои постели. Иногда постель остается незаправленной весь день. Время от времени тихий голос велит мне заправить его постель, сменить постельное белье. Я вынуждена преодолевать что-то внутри себя, делая это, но это и есть проявление любви.

Том очень великодушный человек. Он часто приходит домой с розами и шоколадными конфетами, хотя и забывает о днях моего рождения и годовщинах свадьбы. Кроме того, он интересный человек, и у нас много общего.

Он уважает мою работу, хотя никогда не читает написанное мной. Он может быть прекрасным хозяином. У нас всегда есть о чем поговорить.

Я не люблю его так слепо и безрассудно, как раньше, когда мы впервые встретились. Но любовь со временем должна превратиться в чувство преданности, в радость и желание быть вместе, а это у меня, конечно же, есть».

Несбывшиеся иллюзии

Дом Ганса и Ильзы в Западной Германии был центром эксперимента, суть которого заключалась в следующем. Сотни молодых людей самого разного происхождения жили с ними в течение разного времени, учась применять свою веру в повседневной жизни и при решении различных проблем.

Но это пришло не сразу. Совместную жизнь Ганс и Ильза начали в четырехэтажном доме без особых удобств. Доход Ганса был маленьким, но они имели работу и были счастливы. И все же Ильза находила, что брак не оправдал ее ожиданий. Представление Ганса о браке было не таким, как у нее. Ильза вспоминает:

«Ганса всегда поражало, когда я взрывалась. В моем плохом настроении всегда был виноват он: “У тебя никогда нет для нас времени. Твои дела важнее семьи. Ты сваливаешь на меня все семейные проблемы”.

Он обычно отмалчивался. “Почему ты ничего не скажешь?” – требовала я. “Да ты же все сказала”, – обычно отвечал он.

Я была завалена домашней работой и чувствовала себя совершенно изолированной с нашими четырьмя детьми, хотя мы жили в центре большого города.

Для чего же я потратила столько лет на учебу, – чтобы корпеть над плитой? Моя мать жила совсем по-другому. У нее были няньки для присмотра за детьми и прислуга, и она могла посвящать свое время отцу и гостям.

Свою замужнюю жизнь я представляла себе похожей на ее, – и вот я ухаживаю за всеми, и некому поухаживать за мной. А Ганс думал, что это в порядке вещей. Его работа требовала от него многого, и он был доволен ею. Он часто отсутствовал в уик-энды, участвуя в конференциях и семинарах. Казалось, Ганс считает, что единственная обязанность мужа – это зарабатывать деньги для семьи, время от времени приходить домой, чтобы порадоваться уюту, своей терпеливой жене и растущим детям. А между тем мне был необходим муж, который бы жил для меня, с кем бы у меня были настоящая дружба и интеллектуальное родство.

Но, прежде чем я полностью осознала, что становлюсь разочарованной и ожесточенной, к нам приехали погостить норвежские друзья – муж и жена.

Жена много помогала мне по дому, поэтому у нас было время поговорить. Однажды она спросила меня: “Ты когда-нибудь задумывалась, почему ты не любишь готовить?”

“А мне и думать не нужно, – заявила я. – Могу сразу ответить: я предпочитаю другие дела”. Но она заметила, что имела в виду нечто другое: если бы я нашла время спокойно обдумать это, тогда Господь мог бы помочь мне узнать кое-что о моем характере. Раньше я не обращалась к Богу с такими личными вопросами, но решила попробовать. “Что же мешает мне получать удовольствие от приготовления пищи?” – спросила я Господа.

Внезапно мне все стало ясно, как если бы я сняла очень темные очки. Я поняла, что приготовление пищи и домашняя работа висели как тяжелые гири у меня на шее, так как я ощущала, что была предназначена для чего-то лучшего в жизни.

“В чем же суть домашней работы?” – размышляла я. “Она – средство служения людям, которые тебе доверены, – такой ответ пришел в мое сердце. – Это способ жить в любви Господа, заботясь о своей семье и о тех, кто приходит в твой дом. Это поможет тебе стать смиренной”. Последняя мысль понравилась мне меньше всего.

Я стала замечать, что когда женщина сознательно и с удовольствием заботится о тех, кто ей доверен, не ожидая за это награды, возникает домашний очаг, созидающий любовь.

Одна женщина, домохозяйка и мать, выразила это следующим образом: “Я работаю в наиболее важном цехе атомного века, где

формируется будущее”. Спустя некоторое время я смогла по-новому взглянуть на мой дом. И мне захотелось посвятить себя формированию будущего наших детей, и это принесло радость. То, что казалось рутинной, приобрело новый смысл в моих глазах.

Новое понимание разрешило некоторые из моих проблем, но я все еще чувствовала себя покинутой Гансом.

Затем мы оба поехали на конференцию за границу, оставив детей под надежным присмотром в Германии. На конференции мое чувство одиночества усилилось. Все разговоры велись на английском или французском языках, и я чувствовала себя неуютно со своими школьными знаниями иностранного языка. У Ганса не было такой неуверенности. Он познакомился с группой молодежи из Африки и часто проводил с ней время, а я оставалась одна.

Однажды утром я обратила внимание на женщину, которая, как мне казалось, прекрасно чувствовала себя на конференции. “Я снова ищу своего мужа”, – обратилась я к ней. “Скажите мне, – промолвила она дружелюбно, – зачем вы ищете вашего мужа?” И она ушла, оставив меня одну.

Ответ у меня был готов: “Я ищу в нем безопасность, понимание и защиту. Без него я ощущаю себя потерянной, одинокой и незащищенной”.

В тот же момент я вспомнила те слова, которые говорила девушкам из молодежной группы, с которой я работала: “Защиты нельзя найти у человека, а только у Господа”.

С этими мыслями, которые вертелись и вертелись у меня в голове, я почувствовала неприязнь к женщине, с которой заговорила, а заодно и к этой глупой конференции. Мне захотелось уехать, но у меня ничего не вышло: внезапно воспалился желчный пузырь, и я должна была лечь в постель.

В тишине комнаты я осознала, что поставила своего мужа на место, которое принадлежит Богу. Я стала зависимой от его любви и одобрения. Только в его присутствии я ощущала ценность собственной личности. Он был моим идолом, а следовательно, должен был быть таким, каким я хотела его видеть.

Многие вещи стали понятны и Гансу. Он сказал мне: “Я поместил тебя в свою жизнь точно так же, как книги, которые ты взяла с собой, в шкаф. Я хотел улучшить свою жизнь, сделать ее более совершенной с твоей помощью. Я никогда не думал, что сам-то я тоже вхожу в твою жизнь”.

Впервые мы искренне говорили о том, что стояло между нами и разделяло наши жизни на два отдельных потока. У нас было много такого, за что мы должны были просить друг у друга прощения.

Иллюзии, с которыми я вступила в брак, Господь разрушал одну за другой, чтобы мы могли найти для него новый, прочный фундамент.

Не сразу, но мы научились доверять и помогать друг другу, не предъявлять друг к другу чрезмерно завышенных требований и совместно решать все семейные проблемы».

Брак с браком

Можно ли спасти брак, если один из партнеров был неверен? Иногда рана настолько глубока, что ситуация кажется безнадежной. И все же, если есть желание сохранить брак и начать все заново, рану можно залечить, а брак может даже стать прочнее, чем был. Я знаю многие пары, которые выдержали это болезненное испытание, а сейчас помогают это делать другим.

Выброшенная на улицу

Когда Дэниел узнал, что Илайна встречается с другим мужчиной, он тут же велел ей уйти из дома. Дэниел был удачливым бизнесменом. Он был на десять лет старше Илайны и дал ей все, что она желала. У них было двое детей, прекрасный дом, верная экономка, обожающая детей и высвобождавшая для супругов много свободного времени. Но Илайна скучала, да и Дэниел стал подозрительным. Он нанял частного детектива, который застал ее целующейся в чужой машине.

Илайна рассказала мне свою историю за чашкой кофе через несколько дней после того, как муж выставил ее из дома. Она чувствовала, что Дэниел относится к ней как к подростку и что в доме она была ненужной. Она, собственно, и не любила этого другого мужчину, но ей было с ним интересно. Теперь она решила не видеться с ним, но муж все равно не хотел ее возвращения. «Что мне делать?» – спрашивала она.

Сразу я не нашлась, что ответить, и предложила посидеть спокойно, подумать. Мы сидели в шумном кафе, и Илайна записала в блокноте: «Я люблю своего мужа. Я люблю своих детей. Нам есть ради чего жить. Как начать мне сначала?»

Она решила написать Дэниелу и попросить прощения. Письмо отправилась в тот же день.

Несколькими днями позже Илайна позвонила мне. Оказывается, она не получила ответа и была в такой глубокой депрессии, что, как я и боялась, могла совершить самоубийство. Единственное, что я могла

ей сказать, – это то, в чем я была уверена: они будут вместе, потому что многие друзья молятся за них, и чтобы она не сдавалась.

Когда Дэниел получил письмо, он отнес его к адвокату. «Ни одна женщина не может так быстро измениться. Это уловка, – сказал адвокат. – Не обращайтесь внимания».

Дэниел сказал моему мужу Полу, что его гордость так задета любовной связью Илайны, что он просто не в силах простить ее и просить вернуться, хотя в душе хотел этого.

Пришло Рождество, и Илайна провела его с нами, пытаясь не показать, как сильно она скучала по Дэниелу и детям. От них не было ни послания, ни цветов – никаких знаков любви.

Между тем Пол и Дэниел время от времени встречались. Дэниел наконец начал разбираться в ситуации и постепенно понял, что частично сам был виновен в том, что произошло. Его отеческое отношение к Илайне ограждало ее от необходимости нести ответственность за что-либо. Он щедро снабжал семью всем необходимым, но был слишком занят делом денег. Он часто в уик-энд летал на Багамские острова поиграть в гольф и развлечься в ночных клубах, оставляя Илайну дома в Канаде.

Однажды Дэниел позвонил нам. «Я слышал, что Илайна придет к вам ужинать сегодня вечером, – сказал он. – Ничего не говорите ей, но я собираюсь забрать ее домой».

Пришла Илайна, и медленно поползли минуты. Наконец приехал Дэниел с большим букетом цветов. Он обнял ее, и они начали разговаривать. «Я был слишком горд, но, может быть, мы попробуем начать сначала?» – спросил он.

«Произошло чудо», – сказала Илайна, позвонив нам через несколько дней. Теперь она работает в офисе у Дэниела. Они купили машину с прицепом, чтобы выезжать в отпуск всей семьей. Дети растут в надежном и счастливом доме.

«Плавающая мина»

Роджер – архитектор. Очень общительная и яркая личность. Он и Сюзанна, врач по профессии, были женаты три года, когда он начал встречаться с другой женщиной. Сначала он лишь пытался помочь этой женщине справиться с чувством неуверенности, вызванным сумасбродным поведением ее мужа, но вскоре их отношения переросли в любовную связь, хотя, как утверждал Роджер, он все еще любит Сюзанну.

«Постепенно, – говорит он, – чувство вины начало овладевать мной. Связь приносила мне удовольствие, но это было эгоистично с моей стороны, глубоко ранило Сюзанну и угрожало всему, чем я дорожил более всего: браку, детям и счастливому домашнему очагу.

Примерно через пять месяцев я взялся за ум, порвал с любовницей, но ничего не сказал Сюзанне».

Хотя связь была прекращена, с течением времени Роджер начал ощущать растущее чувство вины из-за измены жене. «Причиной этому была “плавающая мина”, которая однажды могла разорваться и разнести наш брак на мелкие кусочки, – говорит он. – Я понимал, что лишь мое искреннее покаяние и прощение Сюзанны разрядит эту “мину”».

Было трудно найти в себе смелость, но все-таки он рассказал ей все. «Она была глубоко задета, но простила меня. Наша честность по отношению друг к другу, доверие и любовь выросли с этого момента. Это скала, на которой стоит наш брак. Эта же скала могла когда-то потопить его».

С тех пор у них родилось двое детей. Они вместе готовят обрученные пары к бракосочетанию в церкви их прихода.

Другая женщина

«Словами невозможно описать, какой убитой и взбешенной я себя чувствовала, когда после многих лет замужества обнаружила, что муж изменяет мне, – говорит Мэри. – По кусочкам я вытянула из него болезненную для себя правду. В этот момент я ненавидела их обоих – и его, и женщину, с которой он был связан».

Но муж Мэри чувствовал себя таким же несчастным, как и она, и решил покончить со связью. «Звучит странно, но это его решение восстановило нашу прежнюю любовь, – говорит Мэри. – Но простить ту женщину было сложнее».

Будучи христианкой, Мэри помнила, что Иисус заповедал любить врагов. «Я чувствовала, что должна избавиться от этой ненависти. Но как?» В конце концов Мэри решила пригласить эту женщину к себе домой. «Я молилась всем сердцем, чтобы найти подходящие слова. Мой муж молился в соседней комнате».

И наконец это произошло. Когда мы сидели все вместе, ненависть покинула меня. Женщина, которую я увидела, выглядела печальной и одинокой, она была разведена, и у меня осталось лишь одно желание – рассказать ей о Господе, Который может помочь нам и указать путь, уготованный Им для нас».

«Заплечный груз»

Один из моих друзей вступил в брак с «заплечным грузом» – ненавистью к своей матери-алкоголичке. Он ненавидел ее из-за того, что она третировала его отца. Он не видел ее вот уже пять лет и поэтому

обрушивал накопившиеся эмоции на жену, становясь все более и более жестоким.

Когда жена узнала о его связи с другой женщиной, то готова была вышвырнуть его из дома. Она пришла ко мне излить душу. У них было двое детей – семи и пяти лет. Ради них она решила подождать, и, кроме того, она хотела убедиться: может быть, в чем-то она сама виновата?

Когда мы встретились в следующий раз, эта женщина сказала мне, что была духовно близка с одной из своих родных сестер. Они обычно обсуждали все вдвоем, а ее муж чувствовал, что им пренебрегают. Несколько месяцев назад после одного из скандалов она молилась в отчаянии: «Господи, почему Ты не найдешь другую женщину для него?» Она рыдала потом, когда поняла, насколько неправильной была ее молитва.

Некоторое время спустя муж повел ее в ресторан по случаю ее дня рождения, и в конце вечера она попросила прощения за то, что пренебрегала им иногда. Это стало началом чего-то нового в их отношениях, хотя не все еще наладилось.

Голливудские любовники

Иногда восстановление брака требует многих лет, как это произошло с Джеймсом и Барбарой, которые жили в Голливуде. Они встретились, когда Джеймс, композитор, работал над фильмом, в котором участвовало тридцать роскошных блондинок. Барбара была одной из них. Связь Джеймса с Лиз могла бы оказаться фатальной для брака, который, казалось, был обречен с самого начала. И все-таки они как раз недавно отметили 42-ю годовщину свадьбы. Вот что они рассказывают о себе.

Барбара: «Мы поженились через три с половиной недели после первого свидания. В период ухаживания мы часто выбирались пообедать вместе, и Джеймс обычно говорил о себе до пяти часов утра. Затем он отправлялся в студию и начинал работать. Он никогда не задавал мне никаких вопросов. Когда мы поженились, я его, собственно, и не знала. Он как бы общался со мной с высоты Олимпа: он был великолепен, – а я стояла и с обожанием взирала на него.

Я всегда любила показуху. Часто носила тяжелые книги под мышкой, чтобы люди думали, что я умная. Но Джеймс этого не знал: думал, что я – нечто. Если бы он задавал мне побольше вопросов, он мог бы во мне разобраться и разочароваться.

Когда мы поженились, я обнаружила, что он помешан на работе. Работать для него значило жить. Он работал по субботам, воскресеньям, по ночам, а также в те дни, когда мы никуда не выбирались. Мы очень мало времени проводили вместе.

Я сразу же забеременела и тут же серьезно заболела. Вскоре после этого мы узнали, что его единственный обожаемый брат Дикки убит на войне. Его мать приехала к нам из Нью-Йорка. Я не была знакома с ней раньше. Дикки был смыслом ее жизни. Она жила в мотеле через дорогу от нас до тех пор, пока не родилась наша дочь. Мать мужа была милой женщиной, но я буквально выжила ее. Меня подташнивало по утрам, я не понимала, что означает смерть, и не умела утешить свекровь. У меня была своя жизнь.

То же самое произошло, когда родился наш второй ребенок. Мать Джеймса приехала снова, и вновь я выжила ее. Вскоре после возвращения домой она выбросилась из окна. Джеймс был в глубоком горе от смертей двух близких людей, а я думала только о себе и никак не поддерживала его. Меня удивляет, что он остался со мной».

Джеймс: «Я остался с ней, потому что любил ее. Вдруг она решает, что наш дом слишком мал, и находит огромный особняк в самой фешенебельной части Беверли-Хиллз. Мы просадили целое состояние, переделывая и ремонтируя его. Позднее выяснилось, что это оказалось наимыгоднейшим вложением денег, какое мы когда-либо делали. Но пока она все переделывала, я начал чувствовать, что больше этого не вынесу. Я говорил ей, что мы совершаем огромную ошибку. Наблюдая, как она тратит огромные суммы денег, я готов был убить ее. Уходил к друзьям, чтобы посидеть с ними спокойно, оставляя ее среди лязга и шума».

Барбара: «Общение между нами прекратилось. Все, что я ни делала, было неверно. Я жила с детьми и гувернанткой в заднем крыле дома, сражаясь с рабочими, а он приходил и находил во всем ошибки».

Вскоре дом был готов, и мы в него переселились. Но я мало была там. В воспитании детей я больше полагалась на гувернантку и была очень зла на Джеймса за то, что он проводит время где угодно, только не со мной.

Джеймс заставил меня пойти к психиатру, чего я делать не хотела. Врач только и советовал: “Занимайтесь чем хотите, живите своей жизнью”. Поэтому я зачастила на лыжные прогулки, и в моей жизни появились другие мужчины. Я была так грешна и так боялась, что это может обнаружиться, что начала постоянно кричать на Джеймса и детей. Так продолжалось восемнадцать лет. В довершение ко всему я выкуривала по три пачки сигарет в день и пила запоем.

Однажды я встретила верующих людей, которые сказали мне: “Если ты укажешь на кого-нибудь пальцем, на тебя укажут сразу трое”. Я задумалась, какое отношение имеет сказанное к моему поведению в семье и моему образу жизни. И мне пришло в голову, что если я смогла так привыкнуть к курению и вину, то смогу привыкнуть ко всему. Поэтому я разом бросила и то, и другое, а также прекратила

много есть, так как подумала, что растолстею, отказавшись от сигарет и алкоголя.

Мои новые друзья посоветовали исправить в моей жизни все, что можно. Когда я попросила прощения у детей, они не простили меня: “Ты никогда не изменишься, – сказали они. – Ты так и останешься старой крикливой ведьмой”. Мне было очень тяжело, так как я нуждалась в их поддержке.

Прося прощения у Джеймса, я рассказала ему часть того, чем занималась, – столько, сколько сумела. Я думала, что теперь все будет хорошо, что в нашей жизни появится радуга и наш брак станет совершенным».

Джеймс: «Не пожелал бы никому из мужей услышать то, что Барбара рассказала мне. Я решил, что пока она все еще отягощена грехом, мы даже не имеем права молиться о прощении. Единственное, что я мог сделать в этой ситуации, – это выудить из нее все. Я сам назначил себя ее психотерапевтом. Мы отправлялись на бесконечные автомобильные прогулки, и я старался разговаривать с ней. В конце концов она рассказала мне все. Вы, наверное, никогда не слышали ничего подобного».

Барбара: «Впервые в жизни я почувствовала себя совершенно свободной: ничего не надо было скрывать, нечего бояться. Джеймс не бросил меня, но в течение шести лет мы не разговаривали. Он даже не присылал мне поздравления ко дню рождения или Рождеству. Большинство друзей оставили нас, и это действительно было болезненным для него».

Джеймс: «Затем меня попросили написать музыку к фильму-мюзиклу, который должен был сниматься в Англии. Это было заманчиво. Мы нашли прекрасный дом в Лондоне, и я использовал верхний этаж в качестве своего офиса. У меня начался роман с Лиз, очаровательной женщиной, которая также работала над фильмом».

Барбара: «Когда я только начинала приобщаться к вере, я ощущала себя настолько всезнающей, что Джеймс кричал на меня: “У тебя на все готовы ответы!” Но к тому времени, когда мы отправились в Лондон, я прекратила читать ему нотации. Каждое утро я находила время для размышления и прислушивалась к внутреннему голосу. Мы много выезжали, и я старалась все делать так, как этого хотел Джеймс».

Однажды в воскресенье я понесла наверх чай для Джеймса и Лиз. Когда я поднялась на верхний этаж, я услышала рыдания Лиз. Дверь была приоткрыта, и я увидела ее сидящей на диване и Джеймса, стоящего на коленях и обнимающего ее. Поскольку чашки стали дребезжать, я спустилась вниз и пошла в ванную комнату, где обычно молилась. “Боже, что происходит? – спрашивала я. – Кажется, я все делала правильно”. И тут же ко мне пришла отчетливая, ясная мысль:

“Спроси у Джеймса. Не указывай на него пальцем и не обвиняй его. Просто спокойно спроси”.

Я терпеливо дождалась, пока Лиз ушла. Затем приготовила хороший обед, зажгла свечи и, когда мы кончили есть, положила руку на его плечо и спросила: “Дорогой, между тобой и Лиз что-то есть?”»

Джеймс: «Я честно ответил ей: “Да, многое. Я ее очень люблю... Одной из причин этого является то, что с ней я вспомнил, что значит смеяться. Я не помню, чтобы мы с тобой вместе смеялись. А ведь смех был когда-то неотъемлемой частью моей жизни. Женившись на тебе, я забыл об этом”. Потом я отправился на квартиру к Лиз и вернулся домой в пять утра. Я сказал Барбаре: “Ты можешь держать меня в этом доме, если я тебе нужен. Не спрашивай ни о чем, тем более, что все на виду, но только при одном условии: три ночи в неделю я с ней. Тебе останутся четыре. Соглашаешься или нет?”»

Барбара: «Я согласилась. Я знала, что если откажусь, он тут же разведется со мной и женится на Лиз. К этому времени, избавившись от своей вины и страхов, я начала понимать, что значит любовь. Я никогда не думала, что так люблю его. Я начала молиться, чтобы у меня появилось чувство юмора.

Мы прожили так тринадцать месяцев. Это было ужасно трудно. Я уходила к своим друзьям и рыдала у них. Наши дети по-одному приезжали в разное время повидать Англию, каждый со своими сложными проблемами, так и не простив нас.

Именно тогда я начала любить Бога, потому что Он оказал мне милость и дал силу пройти через это. Я снова начала смеяться и находить забавное в Джеймсе, чего я была лишена так долго».

Джеймс: «Однажды, когда я пришел домой, она одевалась, чтобы куда-то пойти со мной, на ее голове были бигуди. До меня стало доходить, что эта женщина по каким-то необъяснимым, надуманным и сумасшедшим причинам действительно любит меня. Что-то делало меня невыносимым для себя самого. Я чувствовал себя подлецом. За что она любит меня? Я спросил ее прямо, почему она захотела остаться со мной. Она говорила пять-семь минут, красиво и не задумываясь, речь ее лилась потоком. “Каким же идиотом мне надо было быть, чтобы бежать от такой любви, как эта”, – сказал я себе».

Барбара: «Единственное, что было плохо, – то, что он не сказал мне этого. Я чувствовала, что вишу на волоске, – мы уезжали из Англии через несколько недель, а я не знала, собирается ли Джеймс остаться, чтобы жениться на Лиз, или вернуться со мной домой».

Джеймс: «После этого разговора я понял, что никогда не оставлю Барбару. Но в то же время я чувствовал вину перед Лиз: я внушил ей надежду на наше совместное будущее. Чувствовал я себя преступником, желающим возратить деньги в банк до того, как его поймают. Был момент, когда мне пришла мысль: “Из всего этого один выход –

покончить с собой”. Это говорит о том, как я терзался. Но в конце концов я решил порвать с Лиз.

Барбара и я отправились в круиз по Средиземному морю. Тот фильм был показан в Лондоне и имел бешеный успех. Но мне это было уже неважно. Проводить время с Барбарой было единственным, чего мне хотелось. Мы ничего не делали, а просто разговаривали. Впервые за нашу совместную жизнь мы начали по-настоящему общаться.

Случайно я обнаружил, что у Барбары чудное чувство юмора. Я музыкант и живу слухом. Для меня ее смех стал самым красивым звуком на земле».

Барбара: «Наконец все наши дети простили нас. Младшая дочь сделала это только через 17 лет, но для меня это было величайшим подарком, какой я когда-либо получала».